

Авее Лав

ЦЕНА
ПРАВДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Авее Лав

Цена правды

<https://litres.ru/74093761>

SelfPub; 2026

Аннотация

Между ними осталась только боль.

Кая пытается бежать от воспоминаний, но каждую ночь они настигают её. Кристиан пытается заглушить вину, но она отравляет его кровь, напоминая о том, что он не может исправить.

Их пути снова пересекаются там, где всё сгорело дотла, где остались лишь шрамы и пепел. Их свела воедино цепь лжи и предательства. А тот, кого Кристиан называл другом, теперь его главная угроза.

Теперь им предстоит самое трудное: взглянуть правде в глаза. Правде о себе, друг о друге и о той цене, которую придётся заплатить за вторую попытку.

Смогут ли они собрать свою историю заново, склеив осколки прошлого? Или некоторые вещи ломаются навсегда, и единственный выход — разойтись, унося свою боль?

Чтобы начать всё сначала, нужно иметь смелость признать:
твой самый

страшный враг не перед тобой, он — в твоём отражении.

Содержание

Глава	4
От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	88
Глава 9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Цена правды

Глава

Авее Лав

Цена прощения

Книга вторая

От автора

В моих книгах нет идеальных героев. Они ошибаются, падают и не всегда находят силы подняться. У них есть страхи и слабости, которые они не всегда умеют скрывать. Они совершают поступки, которые могут вызвать осуждение, и принимают решения, которые не всегда можно оправдать. Вы можете не соглашаться с ними, можете злиться на них или даже презирать, но они остаются людьми, хоть и вымышленными. Но именно в этой неидеальности есть своя правда. И я не хочу делать их лучше, чем они есть на самом деле.

Я была вдохновлена творчеством моей любимой группы ЛСП. Именно в их треках я нашла образы, смыслы и ту самую атмосферу, которая легла в основу этой и последующих историй. *Он* никогда этого не прочитает, но я всё равно благодарна ему за ту искру, что когда-то зажгла этот сюжет.

Книги серии читаются строго по порядку, потому что каждая из них продолжает единую сюжетную линию. Переплетающиеся судьбы героев, общие события и развитие персонажей требуют последовательного прочтения.

Первая книга серии – «Цена доверия»

Вторая книга серии – «Цена прощения»

С искренней благодарностью, ваша Авее Лав.

Важное примечание: все книги автора написаны для взрослой аудитории. Произведение содержит откровенные любовные сцены, психологическое давление, сцены физического насилия, а также эпизоды употребления алкоголя и наркотических веществ. Если вам не исполнилось 18 лет или указанный контент может причинить вам психологический вред, пожалуйста, воздержитесь от чтения.

В книгах не всегда соблюдена достоверность в области медицины, юриспруденции и иных профессиональных сферах. Данное произведение является художественным вымыслом и не претендует на документальную точность. В ряде случаев автор сознательно отступает от реальности для развития сюжета

Глава 1

Декабрь.

Мир сузился до огненного шара само-отвращения, пылавшего в его груди. Кристиан чувствовал себя куском дерьма. Ему физически хотелось избить себя или как минимум врезать кулаком в зеркало, чтобы осколки впились в кожу, и он мог ощутить на себе ту боль, которую причинил ей.

В первый раз из глупого, мальчишеского высокомерия, намеренно. В этот раз по своей слабости и трусости, неумышленно. Но результат был тем же, её глаза, полные доверия и того самого чистого света, что за эти недели отогревал его душу, теперь были искажены всесокрушающей болью. И он понимал, что только что поставил финальную точку.

Каждое её воспоминание о нём теперь было клеймом. И единственное, что он мог сделать теперь, это исчезнуть, чтобы хотя бы перестать быть для неё вечно открытой раной.

В горле встал ком, превратившийся в немой, животный вой, готовый разорвать тишину салона автомобиля. Он стиснул зубы, сжимая этот крик в глубине грудной клетки. Стены внутренностей рвали его на части, хотя снаружи ничего не происходило, и он все так же неподвижно сидел в машине.

Перед глазами, как заевшая пластинка, стоял один и тот же кадр. Её глаза, цвета топлёного шоколада, наполнялись

слезами в тот миг, когда она смотрела на экран телевизора. Прозрачная плёнка влаги затягивала её взгляд, и в нём медленно гас последний живой огонёк.

Сейчас она одна, за этим кованым забором чёртовой резиденции Гротти. Эта мысль гудела в его голове, не давая покоя. Себастьян и тот похотливый, собственнический блеск в его глазах, который Кристиан раньше замечал лишь краем сознания, теперь встал перед ним с пугающей чёткостью. То, что когда-то казалось фоновой деталью, превратилось в явную угрозу.

Если Себастьян тронет её, Кристиан может сделать с ним непоправимое. Это решение было холодным, однако от этого не менее жутким. Способен ли Кристиан на такое? Его внутренняя тьма подсказывала утвердительный ответ.

Но тот, кто уже причинил Кае боль, был он сам. Кристиан зажмурился и медленно опустил голову на руль, чувствуя, как холодная кожа прижимается к лбу.

Ему следовало выйти из машины, ворваться в этот дом и увести её. Но он лишился этого права. Теперь она вряд ли позволит ему приблизиться, даже если он выложит всю правду о Лейле и расскажет, как всё было на самом деле. Ведь все сказанное им будет звучать как жалкая попытка оправдания.

Как она сможет снова доверить ему своё сердце, когда он разбил его в осколки? Приблизившись к ней, он будет лишь ранить её снова, игнорируя её отказ. Ей нужно время и пространство, где не будет самого Кристиана, и он это понимал.

Он сидел в ледяной тишине машины, пригвожденный к своему месту этой невозможностью правильного выбора. Любое движение казалось ошибкой, любое решение новой раной. Вернуться - значило снова стать угрозой. Но и оставить её одну в этой пустоте - чувствовалось как предательство. Он не знал правильно ли это, но чувствовал, что любой выбор будет ошибкой.

Внезапная вибрация в кармане куртки вырвала его из оцепенения. Он машинально достал телефон. Экран осветил его лицо в темноте салона, когда он всматривался в уведомление от Джулии:

«Привет! Как прошла сделка? Всё получилось?»

Кристиан швырнул телефон на заднее сиденье, где тот глухо стукнулся о кожу. Теперь его попытка закрыть вопрос с долгами, поступок, в который он сам вкладывал смысл, теперь и правда выглядел как сделка. Оно обрело какой-то липкий, мерзкий привкус. Он ведь хотел, как лучше, хотел помочь, убрать эту проблему из её жизни. А теперь получилось так, будто он пытался откупиться от нее.

Приехав домой, Кристиан прошел мимо гостиной, не взглянув на родителей. Голос матери донесся до него откуда-то издалека. Дверь в его спальню захлопнулась, отделяя его от внешнего мира, который теперь казался чужим и бессмысленным.

Кристиан прошёл к кровати в полной темноте и опустил-

ся на её край, чувствуя, как тело наливается свинцовой тяжестью. Он уставился в одну точку на стене, которую даже не мог разглядеть в этом мраке, и замер.

Мысль впивалась в сознание острой раскаленной иглой, прожигая все его привычные убеждения. Он искренне считал, что строит для нее убежище от жестокости этого мира, а сам оказался главной угрозой.

Он закрыл глаза, и перед ним снова, возник тот самый взгляд, который он теперь будет видеть вечно.

Она доверила ему своё тело, открыла доступ к самым уязвимым границам своей души, которые так тщательно оберегала от всего мира. Она вручила ему своё сердце со всеми его едва зарубцевавшимися шрамами, каждый из которых был историей о боли, которую она сумела пережить. Она рассказала ему свою историю, вывернутую наизнанку, обнажив каждую рану. А он оплатил ей самой грязной монетой, которой оказались его ложь и удобное для него молчание, ставшее предательством.

И самый горький осколок этой разбитой реальности звал его предательством собственных же принципов, тех самых основ, на которых стояла вся его личность. Кристиана Костелло воспитали с одной незыблемой заповедью, слово, данное женщине, является законом. Да, он мог быть ветреным и беспечным, он всеми силами бежал от любых обязательств именно потому, что прекрасно понимал их тяжесть и последствия. Кристиан знал, что, если даст обещание, его нельзя

нарушить.

И что же в итоге он совершил? Он всем своим существом, каждым жестом и взглядом дал ей понять, что принадлежит ей полностью и без остатка, что именно она является единственным светом и смыслом в его выхолощенном мире. Кристин клялся ей своими поцелуями, в которых без слов звучало «я твой навсегда», и своим телом, которое клялось в вечной верности каждым прикосновением. Он дал ей ту самую немую и самую важную клятву, используя всё что мог ей дать. И он же цинично нарушил её ещё до того, как между ними успело что-то по-настоящему расцвести и окрепнуть.

Кристин медленно повернул голову налево, всматриваясь в темноту комнаты, пока в зеркале не проступили смутные, но узнаваемые очертания собственного лица. Из полумрака на него смотрел лжец и лицемер, воплощение той самой низости и морального убожества, которую он всегда с холодным презрением распознавал в других и считал признаком слабости. Теперь этот человек жил в его отражении, и ему некуда было от него спрятаться.

Он думал о том, как посмотрит ей в глаза при следующей встрече. Что он вообще сможет ей сказать, какие слова найдет после такого предательства? Простое «прости» звучало бы глупо и оскорбительно. Любые слова в этой ситуации были бы абсолютно бессильны и стали бы лишь новой, более изощрённой формой издевательства над её болью.

Когда сквозь стекло пробились первые бледные лучи рас-

света, окрашивая комнату в безжизненный серый свет, Кристиан всё так же неподвижно сидел на краю кровати. Он смотрел, как свет медленно заполняет пространство, вытесняя последние островки тени, где можно было хотя бы ненадолго спрятаться от собственных мыслей.

Сон не принес желанного облегчения, он был лишь кратким и беспокойным бегством от реальности, которая оказалась слишком жестокой, чтобы встречать ее с открытыми глазами. Кая уснула, вцепившись в подушку с силой, будто это была последняя соломинка для утопающего, в бурном океане отчаяния. У нее совершенно не осталось сил на то, чтобы снять платье или расправить постель. Ее тело было невероятно тяжелым, будто отлито из свинца, а душа казалась опустошенной до самого дна, не оставляя внутри ничего, кроме гулкой и холодной пустоты.

Проснулась она с тем же холодным и неподъемным булыжником на душе, который никуда не исчез за время короткого забытья. Боль лишь ненадолго притихла, затаившись в глубине, чтобы теперь наброситься с удвоенной силой.

Но многолетняя привычка к выживанию заставляла ее тело двигаться на автомате, вопреки полному безволию разума. Кая механически собрала свои немногочисленные вещи в большую сумку. Картонная коробочка из-под цветов стояла в углу шкафа, как насмешливый свидетель тех хрупких иллюзий, которые она позволила себе построить.

Вероятно, её стоило немедленно выбросить, растоптать, сжечь дотла, чтобы не осталось даже малейшего намёка на ту наивную и глупую надежду, что когда-то теплилась внутри.

Но Кая все же протянула руку к верхней полке, доставая коробку. Она медленно пригладила прохладную поверхность крышки. Не заглядывая внутрь, она аккуратно, с необъяснимой бережностью, положила коробку в сумку рядом со своими вещами.

Выкинуть её означало бы стереть всё до последней секунды и сделать вид, что этих дней просто не существовало, что вся эта сокрушительная боль была лишь игрой воспаленного воображения. А Кая не желала ничего стирать. Она жаждала помнить с максимальной, жестокой четкостью. Помнить, каким жалким трусом и настоящим подонком он оказался в финале этой истории. Помнить каждый его взгляд, который теперь виделся ей полным отточенной лжи, и каждое произнесенное слово, обернувшееся фальшью.

Эта жгучая боль была её самым честным и беспощадным компасом в новой, опустошенной реальности. Она намертво клеймила память, чтобы больше никогда не позволить себе сбиться с пути.

Беглый взгляд на опустевшую комнату, которая на короткое мгновение казалась подобием убежища, не вызвал в ней ни тоски, ни сожалений. Внутри царила лишь ледяная ясность, не оставляющая места для сантиментов. Она тихо закрыла за собой дверь, навсегда оставляя по ту сторону сла-

бые отголоски недолгого, но такого обманчивого тепла.

Пройдя в дом, она нашла Нору, которая, казалось, уже ждала ее. Процесс расчета и выплаты последней зарплаты прошел быстро и без эмоционально, где четкие цифры в официальных документах подводили окончательную черту под этим этапом ее жизни.

Но когда сумма перешла на ее счет, Нора отложила папки с документами в сторону и, нарушив собственные неписанные правила железной сдержанности, неожиданно обняла Каю. Объятие было кратким и деловым, без лишних слов, однако в этом мгновенном читалось молчаливое понимание.

После этого Кая направилась на поиски Сюзанны. Она не знала, в курсе ли та о вчерашних событиях, и, собрав всю свою волю в кулак, отчаянно старалась выглядеть как обычно. Однако Сюзанна, едва взглянув на её бледное, будто за одну ночь осунувшееся лицо и огромные, пустые глаза, в которых читалась бездонная усталость, не стала задавать ни единого вопроса.

Она молча подошла и обняла её так крепко, как может обнимать только женщина, чьё сердце полно настоящей, безусловной теплоты. Это объятие было уютным, словно Сюзанна пыталась передать всю свою невысказанную заботу и поддержку, в этом нежном жесте.

Как и обещала Нора, у главного входа Каю уже ждал автомобиль. Она молча села на заднее сиденье, чувствуя, как давящая тяжесть в груди постепенно сменяется острой, ще-

мящей тоской, которая сжимала горло. Ей сейчас хотелось лишь одного, как можно скорее укрыться в четырёх стенах своей студии. Это было единственное место во всём огромном мире, принадлежавшее только ей. Место, где можно было спрятаться от всех посторонних глаз, зализать раны в полной тишине и снова, медленно и мучительно, шаг за шагом, научиться дышать.

Глава 2

Он не спал всю эту бесконечную ночь, просидев в той же позе на краю кровати, потому что сон казался ему недостойным бегством. Кристиан сознательно лишал себя даже малейшего права на отдых и вместо этого жаждал гореть в неугасающем внутреннем огне собственной вины. Он чувствовал, как каждое новое пламя этого огня методично выжигает в нём того легкомысленного юношу, который когда-то наивно верил, что сможет всё держать под контролем.

Так он и просидел в полном и безмолвном оцепенении до самых поздних сумерек наступившего дня, полностью отрезавшись от течения времени. Его тело давно затекло от неподвижности, а мышцы свела болезненная судорога, однако весь этот физический дискомфорт казался ему ничтожной песчинкой по сравнению с той всепоглощающей внутренней пыткой, которой он себя сейчас добровольно подвергал. Весь внешний мир за пределами закрытой двери просто перестал для него существовать в тот момент, оставив его наедине с самим собой.

Дверь в спальню открылась с едва слышным щелчком, и Чарльз, переступив порог, замер на месте, впитывая картину, что разворачивалась перед ним в полумраке комнаты. Он смотрел на своего сына с той щемящей и почти физической

тревогой, которая смешивалась с отцовской жалостью. Их миры всегда разделяла целая пропасть взаимного непонимания и холодных принципов, но в этот миг Чарльз видел перед собой не строптивного наследника, а своего мальчишку. Кристиан был сломлен, и это читалось в каждой линии его застывшей фигуры.

Чарльз уже знал о крупном банковском переводе, о той значительной сумме, что ушла на счет некой Каи Тёрнер, и теперь, глядя на эту безмолвную картину абсолютного отчаяния, он делал в уме неумолимые выводы. Вид Кристиана сжал его сердце ледяной хваткой, и он осторожно сделал первый шаг внутрь комнаты.

— Кристиан? — спросил он тихо — Что с тобой?

Однако ответом ему была лишь эта тяжелая тишина, сын даже не пошевелился, будто преобразившись в статую.

— Это все из-за той девушки? — Слова он подбирал с осторожностью, будто ступал по тонкому льду.

Он не знал о ней ровным счетом ничего, ни ее лица, ни происхождения, ни того, как именно она вошла в жизнь его сына. Он знал лишь одно- само ее существование заставило Кристиана сломаться.

— Она тебя бросила?

Горькая усмешка, больше напоминавшая гримасу боли, вырвалась из груди Кристиана и застыла в воздухе комнаты. Затем он с глухим, сдавленным стоном закрыл лицо обеими руками, вдавливая ладони в веки.

Это был жест полного поражения, отчаянная попытка просто исчезнуть, спрятаться от всего невыносимого мира, от собственного всепоглощающего стыда и даже от этой незнакомой, колющей ноты искреннего сочувствия в голосе его отца. Ему было больно внутри, но сквозь всю эту густую тьму, он понимал лишь один простой факт. Ей было сейчас в тысячу раз хуже.

И вдруг привычно уверенные плечи содрогнулись впервые за все это время, выдав ту внутреннюю бурю, что бушевала внутри. Чарльз, не произнося ни единого слова, медленно опустился рядом и крепко обнял его. И в этот момент у Кристиана окончательно порвалось что-то внутри. Тот самый сдержанный вой, что рвался из самого его горла, наконец вырвался наружу без остатка.

Это были глухие, хриплые всхлипы, в которых растворилась абсолютная беспомощность перед случившимся. Он плакал, прижавшись лбом к жесткому плечу отца, и его тело сотрясали тяжелые, совершенно неконтролируемые спазмы.

Чарльзу было невыносимо, держать в объятиях сына и понимать, что он ничем не может помочь. Сердце разрывалось от каждого всхлипа, от того, как вздрагивали плечи Кристиана, от этой боли, которую нельзя было унять. Он прижимал его к себе крепче и молча гладил по спине.

Его прагматичный ум, привыкший видеть в чужих поступках лишь скрытую выгоду и расчет, автоматически нарисовал единственную возможную, с его точки зрения, кар-

тину происходящего.

Эта авантюристка, вскружив голову Кристиана, в какой-то момент поняла, что ее игра зашла уже слишком далеко. Она осознала, что столкнулась с настоящим чувством, способным на самые непредсказуемые поступки. И, подобно любой расчетливой дряни, она предпочла вовремя исчезнуть, забрав с собой не только деньги, но и самую душу его сына. Эта жесткая логика была для старшего Костелло единственным понятным объяснением всей этой истории.

Она скорее всего испугалась неизбежного давления со стороны его семьи или той огромной ответственности, которая легла бы на её плечи. Или же, что казалось Чарльзу наиболее вероятным, она просто получила желаемую сумму и разорвала все отношения.

Он возненавидел эту призрачную фигуру всеми фибрами своей души, что была воспитана на железном принципе защиты собственной семьи от любых внешних угроз.

Но, глядя на трясущиеся плечи своего сына и его белые от напряжения пальцы, впившиеся в ткань пиджака, Чарльз не произнес ни единого слова. Он продолжал крепко держать его в своих объятиях, давая ему опору.

Кая продолжала держаться из последних сил, когда аккуратно складывала вещи в сумку. Она держалась, когда прощалась с Сюзанной, Вероникой и Норой. Держалась всю долгую дорогу, сидя в машине, которая увозила ее все дальше

и дальше от того дома, где она ненадолго позволила себе надеяться. Держалась, поднимаясь по темной лестнице своего дома, чувствуя, как каждая ступенька отдается тяжелым и болезненным эхом. Она была натянута, как перетянутая до предела струна, готовая лопнуть в любой миг, но все еще цеплялась за остатки иллюзорного контроля над собой и ситуацией.

Но как только входная дверь ее квартиры захлопнулась, отрезав ее от всего внешнего мира, Кая рухнула на холодный пол в тесной прихожей, не в силах сделать ни единого шага внутрь.

Её тело, наконец оставшись наедине с самим собой без посторонних свидетелей и утомительной необходимости казаться сильной, сжалось в болезненный комок отчаяния. Колени сами подтянулись к подбородку, а тонкие руки инстинктивно обхватили голову, пытаясь создать хоть какую-то защиту от ядовитых мыслей. И тогда из её сжатой грудной клетки вырвался тот самый звук, который уже нельзя было назвать ни обычным плачем, ни горькими рыданиями.

Это был самый настоящий вой, существа, которому причинили внутреннюю боль. Этот звук шёл из самой тёмной глубины её души, безжалостно разрывая горло хрипотой и выжигая собой все остатки прежней надежды.

Она никогда и никого прежде так близко не подпускала к себе. А он просто взял и разрушил её внутренний мир до

самого основания, используя тот самый ключ, который она сама ему доверчиво вручила.

Он оставил после себя лишь грудку холодных, острых обломков и эту всепоглощающую, звенящую пустоту, где теперь эхом отдавался её собственный, вырвавшийся наружу стон. В этот миг, на холодном полу в крошечной тишине студии, ей по-настоящему хотелось исчезнуть. Перестать наконец чувствовать эту невыносимую боль, которая оказалась гораздо сильнее её самой и всех её усилий.

Кая полностью потеряла счет времени, не осознавая, сколько именно пролежала на холодном кафеле прихожей в полной неподвижности. Но надо было встать, и это понимание пробивалось сквозь туман отчаяния.

Кристиан сломал что-то очень важное внутри неё, но не сломал её саму как личность. Она медленно, с усилием села, опираясь спиной о холодную стену, и стала дышать короткими, прерывистыми вдохами, заставляя воздух снова наполнять ее онемевшие легкие.

Дыра внутри продолжала ныть тупой болью, но она должна была подняться на ноги. Иначе это означало бы, что он одержал окончательную победу над ней и её волей.

Тяжелые, свинцовые тучи плотно закрывали солнце, наполняя все пространство комнаты безжизненным светом. Кая начала методично приводить свою маленькую квартиру в порядок, движимая глубокой потребностью хоть что-то де-

лать.

Она тщательно вытирала пыль со всех поверхностей, замочила постельное белье в ванной, разобрала сумку, аккуратно складывая вещи на свои места. Ту самую коробку она убрала на самую верхнюю полку шкафа, намеренно спрятав ее под другими вещами.

Кая наводила порядок в своем разбитом мире, восстанавливая хоть какой-то контроль.

Когда последняя вещь встала на свое место, раздался пронзительный звук входящего звонка. Кая непроизвольно вздрогнула всем телом. Медленно, словно движимая какой-то посторонней силой, она подошла к столу и взяла в руки телефон, на котором горел незнакомый номер.

Она смотрела на него с нарастающей настороженностью и глубоким внутренним сомнением. Палец замер в воздухе над кнопкой приема вызова. Это мог быть кто угодно, она сжала губы, на секунду позволив себе выдавленную из подсознания мысль. Ее рука дрогнула, но она все же нажала на зеленую кнопку и медленно поднесла холодный корпус телефона к уху.

— Алло? — ее голос прозвучал хрипло, будто она болела.

— Кая Тёрнер? Здравствуйте, вас беспокоит менеджер отдела клиентского обслуживания банка «Стеллар-Финанс».

— Послышался вежливый женский голос на другом конце. — Сообщаю вам, что на ваш кредитный счёт поступил перевод на сумму, полностью покрывающую остаток задол-

женности по договору номер триста семьдесят девять. Перевод выполнен анонимным плательщиком. Зачисление прошло без замечаний, обязательства перед банком считаются исполненными в полном объёме с момента поступления средств. Свободный остаток сверх суммы долга уже переведён на ваш личный расчётный счёт, указанный в договоре. В связи с досрочным погашением, прошу вас в течение пяти рабочих дней посетить любое удобное для вас отделение банка для подписания итоговых документов о закрытии кредитного договора. Спасибо, что пользуетесь услугами «Стеллар-Финанс». Всего доброго.

Не дав ей вымолвить ни единого слова в ответ, сотрудник банка положил трубку, оставив в тишине комнаты лишь короткие гудки.

Кая медленно опустила телефон на стол, совершенно не в силах пошевелиться или осмыслить услышанное. В ушах гудел навязчивый шум, а в груди все сжалось от новой, острой боли.

Слово «анонимный» отозвалось глубоко внутри нее едкой усмешкой, прорезавшей всю внутреннюю опустошенность. Она прекрасно знала, *кто* стоит за этим жестом.

В горле встал тошнотворный ком от внезапного омерзения, подступившего к самому пищеводу. «Какое гадство», промелькнуло у нее в голове первой ясной мыслью после шока. Он всерьез решил, что его деньги смогут все просто стереть? Он полагал, что сможет оплатить ее боль, глубо-

кое унижение и разбитое вдребезги сердце? Он превратил все это в бездушную финансовую операцию, который, по его мнению, должен был все исправить и поставить точку?

Это стало для нее последним и самым изощренным оскорблением из всех возможных, настоящей подачкой от человека, который разбил ее сердце.

И тогда ее с головой накрыла мощная волна ледяной ярости, полностью вытеснив прежнюю апатию и отчаяние. Анонимность этого перевода была для нее не только проявлением его трусости, но и очередным, новым унижением, завершающим всю картину его предательства. Он действительно думал, что может просто откупиться от последствий своего поступка? Он надеялся смыть с себя всю вину и продолжить жить со спокойной совестью?

Мысль о том, чтобы прикоснуться к этим деньгам или хотя бы мысленно представить их использование, вызвала в ней физическое отвращение. Эти деньги были отравлены самой сутью произошедшего. Каждый цент от этой суммы жёг бы её изнутри постоянным напоминанием том, как он оценил её доверие в конкретную сумму.

Голова тут же начала болезненно пульсировать, и она сжала кулаки, пытаясь справиться с приступом. Кристиан не получит ни грамма того душевного облегчения, на которое рассчитывал. Она вывернет этот его «великодушный жест» наизнанку, обнажив всю его пошлость, и швырнёт ему в лицо вместе со всей ледяной ненавистью. Эти деньги никогда не

станут её топливом для новой жизни.

Кая неподвижно сидела в наступившей темноте на своем старом помятом диване, и внутри нее бушевала жестокая гражданская война. Она отчаянно пыталась заглушить этот внутренний разлад привычной бытовой рутинной, ведь уборка квартиры должна была отвлечь, заземлить и вернуть хотя бы призрачное ощущение контроля над этим крошечным личным миром.

Однако все ее механические движения не помогли решить главную проблему. Пыль с поверхностей была тщательно стерта, а весь тот внутренний хаос и боль остались нетронутыми.

Теперь, когда вокруг воцарился почти безупречный порядок, просто не осталось ни одного внешнего дела, которое могло бы хоть как-то отвлечь ее от самой себя и своих мыслей. И она продолжала безжалостно и методично сжирать себя изнутри, не находя выхода из этого замкнутого круга.

С одной стороны, ее накрыло почти пугающее ощущение свободы, ведь та огромная финансовая гора, под которой она прозябала тяжелые годы, внезапно исчезла. Перед ней открылась та самая финансовая свобода, о которой она лишь смутно мечтала. Теперь она могла дышать полной грудью, строить долгосрочные планы, снова позволить себе мечтать и просто жить, а не выживать от зарплаты до зарплаты.

Но каждый раз, когда она пыталась сделать этот освобож-

дающий вдох, ее легкие натужно цеплялись за плотный ком отвращения, встававший в горле. Она слишком хорошо знала истинный источник этого внезапного «освобождения», и от этого сама свобода становилась удушающей.

Её взгляд невольно упал на дальний угол комнаты, где стоял подарочный пакет с профессиональными материалами для рисования. В ней лежали тюбики с акрилом, мягкая пастель, наборы карандашей и дорогие кисти из натурального ворса. Теперь эти яркие тюбики и казались ей такой же скрытой платой за ее будущую боль, частью того же холодного и бездушного расчета, что лег в основу их последних дней.

Но рука не поднялась от них избавиться. Материалы были ни при чём. Они пахли мечтой, творчеством, той частью её души, которой она жила раньше. Выбросить их значило выбросить кусочек самой себя.

Но сквозь всю эту леденящую ярость и отвращение к его подлому поступку, сквозь четкое и рациональное понимание, что он оказался лжецом и предателем, пробивалось знакомое, теплое и абсолютно предательское чувство.

Это было немое, упрямое чувство, живущее своей собственной, независимой жизнью, вопреки всем доводам разума. Кая всё равно, против своей воли, продолжала любить его. И от этой горькой и унижительной мысли на её глаза снова накатили слезы стыда за эту слабость.

Глубоко презирая себя за это, она все равно тосковала по нему всем своим существом. Её тело отчаянно требовало его

физического присутствия рядом, его тепла и близости. Кожа болезненно скучала по нежному теплу его ладоней и знакомым прикосновениям. Лёгкие предательски искали в воздухе комнаты неуловимый шлейф его уникального запаха. Сердце наивно игнорировало яростный крик разгневанной души. Оно по-прежнему трепетало и сжималось от боли при одном лишь мимолетном воспоминании о его улыбке или звуке его голоса.

Это осознание стало для неё горькой и изощренной пыткой. Кая откровенно не знала, какая же ее часть в итоге победит в этой тихой битве: голос здравого смысла, требовавший ненавидеть и забыть, или это тихое, раненое трепетание где-то в глубине, тосковавшее по тому самому свету, который она теперь точно знала, был всего лишь красивой иллюзией.

Боль внутри нее не утихала, она стала даже острее и яснее, приобретя двойную силу от этого внутреннего конфликта. Однако теперь в этой боли не оставалось места прежнему парализующему отчаянию. Его полностью вытеснила решительная ярость, направленная в первую очередь на саму себя за свою слабость.

Она огородит себя от него всеми возможными способами, которые сможет найти. Она вернет ему каждый цент, вычеркнет его из своей жизни, как страшную ошибку. И если воспоминания и эта дурацкая, неуютная любовь будут продолжать разъедать ее душу изнутри, что ж, пусть так и будет. Она научится жить и с этой болью, сделав ее своей частью.

Она больше не позволит ему, и уж тем более самой себе, отнять свое собственное будущее и право на новую жизнь.

Глава 3

Кристиан пришёл в себя из ледяной ванны собственно-го отчаяния. Тело, онемевшее от боли, теперь слушалось с механической покорностью. После момента рядом с отцом внутри что-то переключилось. Легче не стало, но появилась странная, отстранённая ясность, которая позволяла хотя бы имитировать жизнь.

На следующее утро Кристиан спустился к завтраку только ради матери, чтобы не расстраивать ее. Но Элеонор всё равно сидела напротив с лицом, искажённым глубокой тревогой. Она видела пустоту в глазах сына, эту новую, прежде незнакомую ему жёсткость в уголках губ, будто он за эти ночи научился сдерживать всё за счёт физического напряжения мышц.

Кристиан поймал её взгляд и попытался улыбнуться. Получилось что-то жалкое и неубедительное.

— Я все улажу, мам, — тихо сказал он.

Зимний ветер трепал полы пальто, но Кристиан не замечал холода. Он завёл двигатель и выехал из гаража, крепко сжимая руками руль. У него была только одна цель - забрать Каю, вырвать её из-под пристального взгляда Себастьяна. Кристиан не строил иллюзий, он для себя оставался настоя-

щим ублюдком.

Если, встретив его, она скажет уйти и никогда не появляться, он исчезнет. Но сначала он должен был совершить последнее, что было в его силах. Увезти её как можно дальше от холодных коридоров особняка Гротти.

Он ехал по знакомым улицам, и с каждой минутой решимость внутри него крепла, закаляясь в огне собственного стыда. Кристиан не знал, что ждёт его там: удар по лицу, который он молча примет, леденящую ненависть в её глазах или тихое безразличие. Он всё равно мчался вперёд, потому что даже если она плюнет ему в лицо, это будет заслуженно.

Машина замерла у въезда на территорию. Тишина вокруг имения казалась зловещей, но это мимолётное наблюдение перечеркнуло другое. Ему не открывали ворота, а двое охранников в чёрной форме, едва завидев его машину, сделали чёткий отстранённый жест, запрещающий проезд.

Раньше его пропускали с лёгким кивком, иногда даже с улыбкой. Теперь же ворота впервые захлопнулись перед ним наглухо. Кристиан ожидал этого, но глухое раздражение всё равно кольнуло где-то под рёбрами. Он выключил двигатель, вышел из машины.

— Пустите меня, мне необходимо увидеть Каю Тёрнер. Это очень важно.

От звука её имени, произнесённого вслух, где-то под рёбрами болезненно сжалось. Охранник же лишь бесстрастно покачал головой.

— Проезд закрыт.

— Чёрт возьми, вы же понимаете, что это не просто так!

— его голос, до этого сдерживаемый, сорвался, обретая металлическую резкость, — Пропустите меня, или я пройду сам.

В его движениях была лишь отчаянная решимость. Кристиан схватился за холодные прутья, пытаясь найти опору, чтобы перелезть через ограду. В этот момент двое крепких мужчин в чёрном бесшумно шагнули навстречу. Их действия были синхронны и лишены суеты. Один перекрыл ему путь, второй с силой, но без лишней грубости взял его за локоть, фиксируя руку.

— Не заставляйте нас причинить вам вред, мистер Костелло, — прозвучал всё тот же бесстрастный голос охранника.

Но Кристиан уже не слышал этих слов, потому что адреналин окончательно заглушил его разум. Он рванулся вперёд, пытаясь вырвать руку, и его плечо с силой ударилось о холодные кованые прутья. Охранник усилил хватку, и его лицо прижалось к холодному металлу кованых ворот. Его дыхание спёрлось, в ушах зазвенело от напряжения, но он продолжал рваться вперёд, не замечая, что его манёвр полностью скован.

Именно в этот момент его взгляд упал на вход. Там замерла знакомая фигура горничной с пакетами мусора, а её глаза были широко раскрыты от удивления. Увидев в ней послед-

ний шанс, Кристиан, всё ещё прижатый к холодной оgrade, выкрикнул, задыхаясь:

— Стойте! Передайте Кае, что я здесь!

Сквозь маску профессионального спокойствия женщина разглядела неподдельное отчаяние в его глазах.

— Она здесь больше не работает, — чётко произнесла она.

Мир вокруг Кристиана замер и сжался до размеров этих нескольких слов. Они обрушились на него с силой физического удара в солнечное сплетение, выбив остатки воздуха из лёгких. Но разум тут же набросился на худший из возможных вариантов. Мысль о Себастьяне, о том собственническом бешенстве, которое он видел в его глазах в тот вечер, пронзила сознание.

— Как мне её найти? — в голосе Кристиана зазвучала откровенная мольба. — Вы знаете, где она сейчас?

Женщина медленно покачала головой, и в её глазах читалась искренняя жалость, смешанная с непоколебимой твёрдостью человека, который хорошо знает границы дозволенного.

— К сожалению, я не могу вам помочь, — сказала она и скрылась в дверях особняка, оставив его одного с грохотом собственного сердца в ушах.

Хватка охранников ослабла, и они отступили на шаг, чувствуя, что он больше не сопротивляется. Кристиан неловко выпрямился, не замечая боли в затекших мышцах. Он от-

шатнулся от ворот, развернулся и побрёл обратно к машине. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отсекая Кристиана от внешнего мира.

В тишине салона разорвался глухой стон, вырвавшийся из его груди. Тело содрогнулось от судорожного спазма, который он не мог больше контролировать, и он ударил ладонями по рулю. Резкий пронзительный гудок взметнулся в воздух, разрывая тишину вокруг. Но этот звук оказался лишь жалким эхом той бури, что бушевала внутри него.

После удара Кристиан замер, сторбившись, и прижал лоб к холодной коже рулевого колеса. Дыхание вырывалось из его груди прерывистыми хриплыми рывками, а пальцы всё ещё судорожно сжимали руль, не в силах разжаться.

Кристиан ехал сюда с единственной целью: найти Каю и объяснить, чтобы она узнала правду, какой бы горькой она ни была. Но теперь он потерял даже эту жалкую возможность. Город с его миллионами огней, вдруг превратился в гигантскую бездушную ловушку. Он понятия не имел, где её искать.

Пока Кристиан сидел в машине, уставившись на глухую улицу, он терял драгоценное время. Те сутки, которые он провёл в парализующем ступоре в своей комнате, могли стать решающими. Ему не следовало уезжать в тот вечер, он должен был остаться здесь, у этих ворот, караулить всю ночь и весь день. Тогда он смог бы перехватить её и наконец поговорить. Но теперь время, этот безжалостный и тихий песок,

утекло сквозь пальцы, унося с собой его последний хрупкий шанс быть честным хотя бы сейчас.

Кристиан не знал, что делать, потому что у него даже не было её адреса. Оставался только один вариант: просить помощи у отца. После той ночи и того долгого молчаливого часа в его комнате между ними что-то сдвинулось. Это не стало близостью, но лёд определённо тронулся, оставляя надежду на хрупкое перемирие. Кристиан сжал руль и завёл двигатель. Он развернул машину и направился обратно домой.

Пока его внутренний мир лежал в руинах, погребённый под холодной грудой чёрного пепла, внешний мир сиял с жестокой, ослепительной красотой. Низкое декабрьское солнце заливало улицы золотистым светом, превращая каждый сугроб в слепящую грудку алмазов.

Подъезжая к дому, он заметил машину Николаса. Войдя в гостиную, он увидел отца и мать, сидящих в глубоких креслах у потухшего камина, и Николаса, стоявшего рядом. Элеонор выглядела бледной и расстроенной, Чарльз же казался напряжённым.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Кристиан, инстинктивно отметив отсутствие в комнате Джулии.

— Николас приехал, чтобы поддержать тебя, — пояснил Чарльз, обменявшись быстрым взглядом с женой. Его голос звучал непривычно мягко, почти бережно. — Я подумал, тебе нужна будет поддержка.

— Если хочешь, мы можем поговорить наедине, — предложил Николас, подходя ближе.

Его острый и пронизательный взгляд был полон спокойного понимания и готовности помочь.

— Обязательно, но не сейчас. У меня нет времени. — Кристиан перевёл взгляд на отца, — Мне нужно найти кое-кого. Помоги мне, пожалуйста.

— Кристиан... — почти шёпотом, произнесла Элеонор, делая шаг вперёд. Её глаза были полны растерянного страха и материнской интуиции, — О ком ты говоришь?

В комнате повисла напряжённая тишина. Чарльз нахмурил брови, и его взгляд мгновенно преобразился, из усталого стал пронзительным. Казалось, он и без слов прекрасно понимал, о ком идёт речь. Отец обменялся молчаливым взглядом с Николасом, и тот едва заметно кивнул, будто подтверждая некий невысказанный план.

— Кристиан, — произнёс Чарльз. — Лейла хорошая девушка. Возможно, со временем она смогла бы... залечить твои раны. Дать тебе...

— Нет. Лейла и я не будем вместе. Не сейчас, не через год, не никогда. Если ты настоишь на этом браке, ты превратишь и её жизнь, и мою в один бесконечный ад. Ты этого хочешь?

Элеонор сделала резкий вдох, её пальцы вцепились в рукав джемпера. Чарльз видел, как она переживает. Это стало последним весомым аргументом.

— Ладно. Я помогу тебе. Скажи, что тебе нужно.

Кристиан выдохнул, словно с его плеч свалилась груда камней. На его измождённом, осунувшемся за это время лице даже мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку.

Он не рассчитывал на прощение и не строил иллюзий насчёт своего будущего. Кристиан просто хотел найти её, убедиться, что с Каей всё в порядке и навсегда оградить от Себастьяна и всего, что с ним связано, любыми доступными способами.

— Адрес. Мне нужен адрес Каи Тёрнер.

Он не мог знать в этот миг облегчения, только что подписал ей новый приговор. Пока он видел в согласии отца помощь, сам Чарльз Костелло уже начинал в уме свою безжалостную, системную охоту. Его целью была Кая Тёрнер. Незнакомка, посмевавшая сломать его Кристиана. И теперь он намеревался найти её.

Глава 4

Как было не просто тяжело, потому что слово «тяжело» казалось слишком мелким и бытовым для той всепоглощающей пустоты, которая разъедала её изнутри.

Каждое новое утро становилось для неё маленькой победой и огромным поражением одновременно, и она не знала, сколько ещё сможет выдерживать эту двойную ношу.

Ей хотелось плакать до полного изнеможения, до той самой спасительной пустоты, которая наступает после долгих и бессильных слёз. Кая мечтала закрыть шторы наглухо, лечь лицом к холодной стене и позволить густой беспросветной темноте поглотить себя целиком.

Но сдаться означало бы, что у него получилось. Что Кристиан не просто разбил ей сердце, но и окончательно сломал её волю к жизни, превратив в безвольную тень. И это было единственное, чего Кая позволить себе не могла. Ненависть к нему в этот момент была слабее, чем ненависть к мысли о собственной слабости.

Шла ли речь о счастье? Нет, потому что мысли о будущем, окрашенном в радостные тона, казались ей чужими и почти издевательскими. Но речь шла о жизни, о базовой необходимости дышать, делать шаг за шагом и существовать в этом мире, даже если каждое движение давалось с трудом.

И потому Кая, стиснув зубы до боли, собрала в кулак все осколки своей силы. Ей нужно было найти работу. Любую. Чтобы отвлечь мозг, заполнить пустоту в буднях.

А еще вернуть ему остаток денег. Этот анонимный перевод жёг её изнутри, как клеймо. Он напоминал о его высокомерном снисхождении, о попытке откупиться, стереть свою вину банкнотами. Пока эти деньги лежали на её счету, она чувствовала себя связанной с ним невидимой, унижительной нитью. И эту нить нужно было перерезать раз и навсегда. Это был первый, самый важный шаг к собственному освобождению.

Кая надела куртку, которую он ей купил тогда, и этот простой жест вызвал у неё горькое послевкусие. Вещь проникла глубоко в её быт, став частью повседневности, и теперь даже это напоминание причиняло боль.

Солнце слепило глаза, заставляя щуриться, но его лучи были обманчивы. Они не несли тепла. Морозный воздух пронизывал её до самых костей, хотя, возможно, дело было вовсе не в погоду.

Снег ритмично хрустел под подошвами её ботинок, и этот чистый звук резко контрастировал с тем хаосом, который царил у неё в голове. Он сопровождал мучительные, зацикленные размышления, которые не прекращались ни на минуту.

Сможет ли банк вообще помочь, если перевод был анонимным? Сотрудник лишь констатировал факт поступления. Или ей нужно просто снять всю сумму наличными и...

что, передать лично? Мысль о встрече с ним, о необходимости смотреть в те глаза, которые так мастерски лгали, заставила её внутренне содрогнуться. Это было бы новым унижением. Но оставить деньги значило остаться в его долгу. А этого она допустить не могла.

— Подпишите вот здесь и здесь, — безразличным голосом указывала сотрудница банка на пустые прочерки в договоре.

Ручка в пальцах Каи казалась невероятно тяжёлой, словно её стержень весил несколько фунтов. Она смотрела на строчки, которые должны были означать свободу, и видела в них лишь привкус его лжи.

И всё ещё не могла поверить в реальность происходящего. Разум разделился: одна часть кричала о том, что эти деньги отравлены, что они - плата за её боль. Другая, холодная и практичная, констатировала неоспоримый факт: огромная сумма, годами висевшая над ней, испарилась. Одно движение ручки и годы условного «рабства», страха перед просрочками, бесконечных подсчётов каждого цента закончились.

Ощущение было странным, почти призрачным. Пустота, где раньше был груз. И где-то на дне этой пустоты, слабое, едва уловимое чувство освобождения, как если бы с неё действительно сняли тяжёлые цепи, оставив на коже лишь глубокие, но уже заживающие следы от оков.

— Всё, — сказала Кая, отодвигая от себя последний лист с подписями. Слово повисло в воздухе кабинки. Оно означало конец одной истории и неизвестное начало другой.

— Поздравляю, — сказала сотрудница, протягивая руку за подписанными бланками.

Но Кая подняла руку, останавливая её движение. Жест был неожиданно твёрдым.

— Я могу вернуть остаток средств человеку, который внес на мой счет сумму?

Женщина на мгновение задумалась, её пальцы замерли над стопкой документов. Затем она медленно покачала головой, и её лицо, на секунду смягчившееся от удивления, снова стало официально-непроницаемым, маской банковского протокола.

— Перевод был осуществлён анонимно, — произнесла она ровным, безличным тоном. — Так пожелал заказчик. К сожалению, в правилах нашего банка чётко прописано: мы не разглашаем информацию о личных данных клиентов без их письменного согласия или решения суда. Вернуть средства через нас, к сожалению, невозможно.

Бюрократическая стена оказалась прочнее её решимости. Деньги, которые она хотела вытолкнуть из своей жизни, теперь прилипли к её счету, словно ядовитая милость, от которой не было законного спасения.

Кая лишь коротко кивнула, будто она именно этого и ожидала. Она сухо поблагодарила сотрудницу и направилась к

банкомату в холле отделения. Сначала нужно было проверить баланс. Всё это время она понятия не имела, какая именно сумма осталась после погашения долга.

Она мысленно готовилась к двухзначной цифре. Вставив карту и введя пин-код дрожащими от холода и напряжения пальцами, Кая уставилась на тусклый экран банкомата. Цифры, появившиеся там, были настолько неожиданными, что её сознание на секунду отказалось их воспринимать. Она несколько раз моргнула, словно пытаясь стереть оптическую иллюзию. Но цифры не изменились. Они горели зелёным шрифтом указывая сумму:

6 598.00 USD.

Для Каи эта цифра светилась алым, как свежая кровь, потому что это была не свобода. Это оказалась цена, которую он заплатил за её боль, за унижение и за её разбитое сердце, оценённое в какую-то конкретную сумму.

От этого осознания по её спине пробежали ледяные мурашки, а в животе всё скрутило от острой тошноты. Проблема, которую она хотела решить одним решительным жестом, внезапно выросла в размерах, став массивнее, сложнее и в сто раз пугающее.

Деньги, призванные стать её освобождением, превратились в новую, ещё более унижительную клетку.

Выйдя из здания банка, Кая шла по улице, почти не разбирая дороги перед собой. Она совершенно не замечала, как

центр города преобразился в преддверии Рождества. На фонарных столбах висели пышные венки из еловых веток и алых лент, а в витринах магазинов переливались разноцветные гирлянды. По тротуарам сновали люди с полными пакетами. Всё это сияло, звенело и пахло корицей, создавая атмосферу всеобщего праздника и радости, которой она не могла разделить.

Её внутренний мир оставался совершенно другим, тёмным и безрадостным. Сознание Каи оказалось перегружено до отказа: в нём металась и сталкивались обрывки мыслей о цифрах на экране, о невозможности вернуть деньги и о тягостном чувстве зависимости. Та лёгкая физически пластиковая карта в кармане её куртки теперь казалась стальной гирей, которая притягивала её к земле.

Внезапное прикосновение к плечу заставило её резко обернуться.

— Привет, ты чего, не слышишь, что ли? — перед ней стоял Джейк. Он сиял широкой, заразительной улыбкой, которая, казалось, не боялась зимнего холода и озаряла всё вокруг. — Ты чего тут?

Но, внимательнее всмотревшись в её лицо, его улыбка потускнела, стала более сдержанной. Кая изменилась. В глазах была какая-то отрешённая и глубокая усталость. Новая тень, которую он не мог сразу распознать.

— Привет, Джейк, я задумалась, извини, — попыталась улыбнуться в ответ Кая, но получилось криво и неестественно.

но, будто мышцы лица забыли, как это делать. — Я вот, уволилась.

— Что-то случилось?

— Нет, — слишком резко ответила Кая. Она сглотнула, пытаясь унять предательскую дрожь в голосе и отчаянную, подступающую волну слёз. — Просто... так получилось.

— А ты куда идёшь? Или откуда? — не сдавался Джейк, его взгляд стал более заботливым. — Хочешь, может, зайдём попьём кофе? Выглядишь ...замерзшей.

Кая ощутила внутренний протест. Единственное, чего ей хотелось сейчас, добраться до квартиры, захлопнуть за собой дверь и просто раствориться в тишине, пока мир с его проблемами не перестанет существовать.

Но это же был Джейк. Он был одним из немногих лучей в её серой жизни, а она почти забыла о его существовании, погрузившись в бурный, токсичный водоворот с Кристианом. Чувство вины перед Джейком перевесило желание убежать и спрятаться.

— Хорошо, пойдём, — без эмоционально пронесла она, глядя на свои мокрые от снега ботинки.

Джейк, казалось, даже слегка подпрыгнул на месте от неожиданной радости. Он очень скучал по ней, и эта случайная встреча стала для него настоящим подарком судьбы, тем самым знаком, на который он подсознательно надеялся всё это время. Можно ли было считать это их вторым свиданием? Джейк отчаянно надеялся, что да, но не стал спрашивать

об этом вслух, боясь спугнуть её хрупкое согласие. Он лишь по-мальчишески радостно кивнул и широко улыбнулся.

Глава 5

Кристиан ждал, когда отец наконец придёт к нему с информацией о заветном адресе, но он хранил молчание. Кристиану даже начало казаться, что отец специально тянет с этим делом, но он отбросил эту мысль, надеясь, что Чарльз не стал бы так поступать с собственным сыном.

Кристиан пытался работать, потому что понимал: у него нет права подводить коллег, которые напрямую зависели от его части рутинной работы. Он заставлял себя разбирать кипы скучных документов, но Кая неизменно оставалась на первом плане его мыслей, вытесняя всё остальное. Дни тянулись мучительно медленно, сплетаясь в тугой клубок из бессильной ярости и нарастающей тревоги.

Вокруг него кипела подготовка к празднику, которую он отчаянно пытался игнорировать. В доме пахло хвоей и имбирным печеньем от восковых свеч, в холле установили огромную, сияющую гирляндами ель, а Элеонор и Марко обсуждали меню праздничного ужина. Приехала даже Джулия, пытаясь своим звонким смехом и суетой рассеять мрачную атмосферу, что висела вокруг него одного.

Прошло уже две недели с того вечера, когда всё рухнуло. Кристиан провёл это время в агонии, разрываясь между желанием действовать и полным отсутствием зацепок. Он

сам искал Каю, объезжал знакомые места, перебирал в голове каждую деталь их разговоров, но всё было тщетно. Чарльз обещал помочь, но тянул с ответом, и Кристиан не понимал, чего ждёт отец. Каждый день без вестей сводил его с ума, и он чувствовал, как время работает против него.

Несколько дней назад Кристиан нашёл в себе силы поговорить с Николасом. Не вдаваясь в подробности, он признался, что встретил девушку, без которой мир терял смысл. Кристиан так же рассказал, как своими глупыми поступками, разрушил то небольшое, что между ними едва успело начаться.

Николас слушал с пониманием, но в его глазах читалось осуждение. Они проговорили тогда долго, и этот разговор был нужен Кристиану как воздух. Он был рад, что Николас оказался рядом, даже если тот не одобрял его поступков.

Ненависть к себе от этого никуда не ушла, она просто отодвинулась в сторону, уступив место другому, более сильному чувству — всепоглощающей тревоге за неё. Кристиану было совершенно всё равно на собственное моральное состояние, потому что единственной целью теперь стало найти Каю и убедиться, что она в безопасности.

Он хотел хотя бы как-то загладить свою вину, даже если после этого ему придётся исчезнуть из её жизни навсегда. Главное, чтобы она была жива и здорова, а с остальным он разберётся потом.

Джулия тоже не могла не замечать состояния брата. Кри-

стиан не хотел делиться с ней своими переживаниями, потому что бережно относился к ней и её будущему ребёнку. Но она всё равно подходила к брату и безмолвно прикасалась к его спине в поддерживающем жесте, как сделала это и сейчас.

— Прости, что не нашлось времени поговорить, — сказал Кристиан, выдавив из себя слабую улыбку.

— Не переживай. Но и ты меня не жалеяй, потому что я твоя старшая сестра и я всегда тебе помогу. Я знаю, ты говорил с Николасом, но он молчит, видимо, не хочет меня расстраивать. А я не люблю, когда от меня что-то скрывают, даже если это делается во благо. Так что я всё равно буду ждать, когда ты сам захочешь со мной поговорить.

Кристиан кивнул и поцеловал её в макушку, чувствуя, как её тепло на мгновение пробивается сквозь его собственную ледяную пустоту. Джулия ещё немного постояла рядом, прижавшись щекой к его плечу, а потом отстранилась и посмотрела на него с той особенной сестринской теплотой, от которой у Кристиана всегда сжималось сердце.

Она смотрела ему прямо в глаза, будто пыталась прочитать там то, что он не решался произнести вслух, а затем коротко кивнула, крепко сжала его ладонь и тихо ушла.

Кристиан остался стоять посреди холла, глядя в пустоту перед собой. Поддержка сестры была тем немногим, что ещё держало его на плаву в эти дни, но даже она не могла заполнить ту огромную пустоту, которая с каждым днём разраста-

лась внутри его души.

Кристиан сидел на краю деревянного шезлонга, смотря на воду. Крытый бассейн был погружён в полумрак, и лишь мягкие лампы, встроенные в его стенки, разливали по водной глади мерцающее голубоватое свечение. Свет скользил по поверхности, рисуя узоры на высоком потолке и стенах, и в этом отражений Кристиан пытался найти ту самую спасительную тишину, которая когда-то помогала ему успокоиться. Внутри было тихо, лишь редкий всплеск воды нарушал эту спокойную, почти медитативную атмосферу.

Он смотрел, надеясь, что привычное действие снова сработает. Но мысли, терзавшие его последние дни, не теряли остроты. Он медленно встал, не отрывая взгляда от воды, сделал шаг вперёд и шагнул прямо в бассейн, надеясь, что хотя бы в этот раз вода сможет унести его тревогу с собой.

Тёплая вода сомкнулась вокруг него. Он закрыл глаза, позволяя ей окутать себя полностью, и медленно, начал погружаться, опускаясь ко дну. Тело обмякло, потеряло вес, и он плыл в этой тишине, как в невесомости, не имея желания сопротивляться. Лёгкие жгло от нехватки воздуха, в груди разрасталось болезненное жжение, но он держал глаза закрытыми, надеясь, что физическая боль перекроет ту, что грызла его изнутри все эти дни.

Инстинкт самосохранения заставил его всплыть, разрывая водную гладь. Кристиан сделал глубокий рваный вдох,

хватая ртом воздух, смешанный с брызгами, и снова почувствовал, как тяжесть возвращается в его тело.

Проводя пальцами по кожаному рулю, Кристиан завёл двигатель, а затем посмотрел на пустое пассажирское сиденье рядом с собой. Он зажмурился, вспоминая, как Кая звонко смеялась в тот вечер и как тянулась к нему через панель, чтобы поцеловать.

Если бы он мог вернуться в тот самый момент, он остановился бы у обочины, посадил бы её к себе на колени и целовал, обнимал и гладил по спине, чувствуя её тепло рядом. Он бы ни за что не отпустил её тогда и рассказал бы ей всю правду. От этой мысли в груди разлилась острая, ноющая пустота. Кристиан глубоко вздохнул, прогоняя наваждение, но оно не уходило, лишь сильнее врезалось в веки, пульсируя в висках тупой болью.

Машина вылетела из гаража в морозный вечер, и снег сразу же заметался под колёсами мелкими искрами. Газоны укрывала плотная снежная шапка, а тяжёлые ветви деревьев клонились под тяжестью белого покрывала, и во всём этом зимнем великолепии чувствовалось что-то застывшее. Будто весь этот огромный дом с его идеальными лужайками существовал отдельно от настоящей жизни, в которой сейчас не было места спокойствию.

Ворота бесшумно открылись, выпуская Кристиана наружу, и за ними начиналась дорога, уходящая в темноту меж-

ду заснеженными полями. В свете фар искрилась снежная пыль, поднятая колёсами, а вдалеке уже мерцали тёплые огни большого города. Кристиан вдавил педаль газа сильнее, и машина рванула вперёд, разрезая морозный воздух, унося его туда, где, может быть, он найдёт хоть что-то, кроме этой ледяной пустоты внутри.

Проезжая мимо отеля, Кристиан резко вывернул руль, развернулся и припарковался на большой гостевой парковке у подножия здания. Стены собственной комнаты начали давить, и он надеялся, что смена пространства поможет ему дышать ровнее.

В холле пахло деревом и едва уловимо запахом хвои, доносившимся из огромной ёлки, украшенной серебряными шарами и гирляндами, что стояла в углу. Высокие потолки, мраморный пол, огромная люстра из тысяч стеклянных пластин и диваны из светлой замши заполняли пространство холла.

За стойкой администратора улыбалась девушка в красном жилете, и Кристиан бросил ей карту, даже не глядя в её сторону. Он назвал свои данные, и через минуту уже держал в руках ключ-карту.

Кристиан вошёл в номер, даже не взглянув на обстановку. Всё это не имело никакого значения, потому что ничто не могло заполнить ту пустоту, что грызла его изнутри. Он сделал пару тяжёлых шагов и рухнул спиной на ближайший диван, уставившись в потолок с лепниной.

Хотелось напиться, очень сильно, до беспамятства, до провала, до той самой черты, за которой человек перестаёт чувствовать что-либо вообще.

Он давно не пил, да и зачем ему был алкоголь, когда рядом находилась Кая? Тогда не нужны были никакие побеги от реальности, потому что она сама стала его реальностью. Кая заполняла собой всё: его мысли, его сны и ту самую пустоту, которая сейчас разъедала грудь. Рядом с ней хотелось жить, а не просто существовать.

Теперь её нет рядом, и дыра, которую она когда-то заполнила, снова зияет в груди открытой раной. Ноющая пустота разрастается внутри с каждым новым вдохом, и Кристиан чувствует, как она медленно выедаёт его изнутри.

Однако он знал только одну вещь, способную заткнуть эту дыру сегодня ночью. Кристиан рывком сел, дотянулся до ламинированной карточки с барным меню на журнальном столике, и устался в список, выбирая себе сегодняшнее пойло.

Через несколько минут после того, как Кристиан перечислил бутылки для своего заказа, в дверь тихо постучали. В коридоре стоял парень в униформе с небольшой тележкой на колёсиках. В тележке теснились несколько вёдер со льдом, из которых торчали горлышки бутылок, рядом ютились тарелка с закусками и два блюдечка с дольками лайма. Кристиан хмыкнул и пропустил сотрудника внутрь. Тот ловко переставил ведра на стойку у стены, стараясь не шуметь.

— Какое количество бокалов для вас, сэр? — вежливо спросил парень.

— Нисколько, — коротко ответил Кристиан, доставая пару купюр и протягивая их на чай.

Сотрудник вежливо наклонил голову, взял деньги и бесшумно вышел в коридор, оставив Кристиана одного с его заказом.

Кристиан начал поднимать из вёдер бутылки одну за другой, читая этикетки, пока не добрался до текилы. Он открыл её, бросив крышку куда-то за спину, и поднёс горлышко к губам. Горькая жидкость потекла по горлу, пока он жадно глотал, зажмурившись, а затем он взял лайм и впился в него зубами, ощущая кислый вкус на языке.

Кристиан стянул через голову футболку, отбросив её в сторону. Он нашёл пульт, нажал кнопку включения, и из динамиков, встроенных в стены, полился тяжёлый бас, заполнивший номер вибрацией. Кристиан начал двигаться, с бутылкой в руке, сначала просто покачиваясь, потом резче, прыгая на месте и размахивая руками, делая всё, что угодно, лишь бы не стоять, не думать, не чувствовать эту проклятую пустоту.

Со стороны его действия выглядели отчаянно и даже жалко. Он просто не знал, как ещё справляться с этой болью по-другому. Кристиан спотыкался, чуть не падал, смеялся сквозь сжатые зубы и снова пил, не зная, сколько это безумие продлится. Он знал только одно: если он сейчас остано-

вится, то боль раздавит его окончательно, не оставив даже маленького шанса на спасение.

Муть в глазах становилась всё более плотной, но это не помогало, и он со злости, швырнул бутылку в стену. Та разлетелась на несколько осколков, оставляя на стене мокрый след. Слегка похлопав себя по щекам, он снова подошёл к стойке с алкоголем, где лёд в вёдрах уже почти растаял, и бутылка скотча едва не выскользнула у него из рук. Кристиан хрипло рассмеялся, хотя даже в этом смехе, казалось, звучала сухая тоска.

Ему было глубоко плевать на бутылку, превратившуюся в осколки, на других постояльцев отеля, которые наверняка слышали музыку, ещё больше было плевать на самого себя. Не всё равно ему было только на *неё*.

Солнце било в глаза яркими лучами, голова раскалывалась на части, во рту было сухо, а каждый вдох отдавался пульсирующей болью где-то в затылке. Он отвык от похмелья. За те недели с Каей он почти забыл, каково это просыпаться с ощущением, что череп вот-вот лопнет.

Он тяжело поднялся, опираясь на локоть, и увидел на прикроватной тумбе полу пустую бутылку скотча. От одного вида его передёрнуло. Он отвернулся от мутного стекла и поплёлся в душ. Холодная вода немного привела его в чувство. Выйдя, он накинул полотенце на бёдра, и набрал ресепшен.

Две горничные в строгой униформе бесшумно проскользнули в номер и с профессиональной сноровкой принялись за работу. Они быстро собрали осколки разбитой бутылки, тщательно вытерли липкие следы со стены, сменили мокрые полотенца и собрали по всему номеру жестяные вёдра, на дне которых уже давно плескалась вода. Девушки работали молча, не поднимая глаз, и вели себя так, словно Кристиана здесь вообще не было.

Он же в свою очередь мельком скользнул взглядом по двум фигурам в униформе, сосредоточенно наводящим порядок в гостиной. Одна из них двигалась быстро, чётко, с какой-то отчаянной старательностью, вкладывая всю себя в простое дело. И в этом движении он снова увидел Каю. То, как она отдавала себя работе, то, как умела быть целиком в том, что делала. Как так же целиком отдавалась и ему самому.

— Простите за весь этот беспорядок, — сказал Кристиан хрипло, сам не зная, извиняется ли он перед ними или перед той, кого уже нет рядом. — И спасибо.

И тут же резко отвернулся. Он вошёл в спальню и захлопнул дверь с большей силой, чем следовало. В гостиной горничные переглянулись, но промолчали, а он стоял по ту сторону двери, прижавшись спиной к холодному дереву.

К вечеру Кристиан решил выйти подышать воздухом,

пройтись по городу чтобы отвлечься. Стены отеля стали давить так же невыносимо, как стены собственного дома. Вот только дело было не в них, а в нём самом. Казалось, он отравляет любое пространство вокруг себя, и теперь ему никогда не будет хорошо, если только он снова не окажется в её объятиях. Кристиан спустился вниз, не взяв ключи от мустанга, шагнул на оживлённую вечернюю улицу.

Снег ложился крупными, тяжёлыми хлопьями, оседая на плечах. Сиэтл жил своей привычной предпраздничной жизнью: витрины магазинов сияли огнями, гирлянды оплетали фонарные столбы, в окнах кафе горел тёплый свет. Рождественское убранство было повсюду, навязчивое, яркое, словно город кричал о празднике, которого Кристиан не чувствовал. Мимо проходили пары, держась за руки, прижимаясь друг к другу, и их смех разлетался по улице вместе с белыми облачками пара.

Кристиан шёл, в неизвестном направлении. Он миновал освещённую площадь с огромной ёлкой, прошёл мимо катка, где под музыку кружились люди, нырнул в тихий переулок, где фонари горели тусклее и снег лежал нетронутым. И шёл дальше, ноги несли его сами, а в голове было пусто и одновременно оглушительно громко. Он не знал, сколько прошёл времени и сколько кварталов осталось позади. Знал только, что не может остановиться.

Что-то заставило его замедлить шаг, может быть, холод, добравшийся до пальцев, или головная боль, резко ударив-

шая в висок. Он повернулся к небольшой кофейне, которая находилась через дорогу и ничем не выделялась среди других заведений. Кристиан подумал, что Джулия наверняка зашла бы туда сразу, не раздумывая.

Он быстрым шагом перешёл дорогу, не глядя на машины, и скользнул взглядом по вывеске, а затем перевёл его на окно и замер. Кулаки сжались сами собой, а сердце, казалось, перестало биться, чтобы через секунду застучать глухо и отчаянно где-то в горле. Воздух застрял в лёгких, отказываясь выходить наружу, и он продолжал смотреть в это чёртово окно, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд, не в силах заставить себя сделать хотя бы один грёбанный вдох.

Глава 6

После встречи у здания банка Джейк чаще стал звать Каю на прогулки или тихие посиделки в кафе. Он думал, раз у неё появлялось свободное время, то он будет заполнить его общим времяпрепровождением.

Кая сомневалась первое время, казалось, что это неправильно. Но по отношению к кому? К ней? К Джейку? Или к Кристиану? Последнее было вовсе нелогично, с учетом произошедшего. Однако одиночество в четырёх стенах начало сжиматься вокруг горла неумолимой петлёй, и ей отчаянно нужна была помощь. Чей-то голос, отличавшийся от эха её собственных мыслей. Для Каи эти встречи быстро превратились в спасательный круг, за который она цеплялась обеими руками, чтобы не утонуть в холодных волнах своей боли.

И на какое-то время это помогало. Яркая реальность Джейка: его заразительный смех, шутки, простые истории, действовали как щит. Он создавал шумовой барьер, который на несколько часов заглушал тот тихий, навязчивый вой тоски, что не умолкал у неё внутри. С ним она могла делать вид, что жива. С ним боль отступала на второй план, приглушённая, но не побеждённая.

Он давал ей самое важное в её состоянии - отвлечение. И в этом было главное, временное спасение. В их общении го-

ворил в основном Джейк. Он заполнял пространство потоком слов. Кая чаще молчала, слушала, смотрела в свою чашку, но уже могла поднять голову и улыбнуться в ответ. Лишь лёгким, почти призрачным движением губ, которое не добиралось до глаз. Но это уже был прогресс. Это было крошечное, но неоспоримое доказательство, что пульс ещё прощупывается.

Но Джейк, при всей своей искренней доброте и неиссякаемой энергии не мог зашить ту глубокую, рваную рану, что зияла у неё в груди. Она продолжала сочиться по ночам, в полной тишине, напоминая о себе пронзительным уколом при всплывшем воспоминании.

Несколько дней назад она перевела деньги Джейку на счет, чтобы закрыть перед ним долг. Кая сделала это через банк, используя те средства, что получила в последний день работы в доме Гротти. Джейк уговаривал её не делать этого, говорил, что это не срочно, что она может вернуть позже. Но Кая оставалась непреклонна в своём решении, потому что ей хотелось наконец закрыть эту главу и почувствовать, что, хотя бы с этим она справилась самостоятельно.

Джейк стал для неё тем плечом, на которое она могла опереться, даже не рассказывая о своей ноше. Он ничего не знал о её боли, о Кристиане, о той тёмной пустоте, что грызла её изнутри. И ей не хотелось обрушивать на него этот груз. Его искренняя, почти мальчишеская забота и простое, ненавязчивое присутствие создавали барьер между ней и пропастью

полного отчаяния. И как ни странно, в данный момент этого было достаточно. Достаточно, чтобы сделать вдох и выдох. Достаточно, чтобы пережить ещё один день.

Один из таких вечеров они снова сидели в той самой кофейне, которая стала по праву их местом. Последние пару дней они проводили именно здесь, потому что здесь было не таклюдно, а Кае меньше всего хотелось быть в окружении большого количества людей. Джейк, как всегда, был в отличном настроении, его энергия заполняла пространство, не давая тишине стать слишком тяжёлой.

— И вот мне ждать ещё целых пять дней, — сказал Джейк, убирая в карман телефон, на котором только что показывал снимки очаровательного ретривера. — Хотя, если бы моя воля, я забрал бы этого пса сразу, как только увидел его в приюте.

— Время пролетит гораздо быстрее, чем ты думаешь, — произнесла она.

— Знаю, — вздохнул Джейк, хотя в его глазах продолжали плясать весёлые смешинки. — Просто он реально классный. Я уже купил ему игрушки и удобную лежанку, всё готово для его появления.

— А как ты хочешь его назвать?

— В приюте не дают кличек, поэтому выбор за мной. Когда я впервые увидел его, то сразу подумал, что это самый настоящий Рокки.

— Ему очень идёт это имя.

— Слушай, а может, мы вместе заберём его? — Джейк немного замаялся и провёл рукой по своим светлым волосам. — Ну, то есть ты поедешь со мной? Заодно и познакомлю вас друг с другом.

— Можно, — просто ответила Кая, и в её голосе впервые за долгое время не слышалось привычной грусти.

Кая подняла глаза на Джейка, такого светлого и улыбочивого, с его вечной готовностью радоваться жизни, и вдруг поймала себя на мысли, что он сам чем-то напоминает ретривера. Такой же открытый и тёплый, будто сама природа создала его, чтобы вилять хвостом и делать этот мир вокруг чуточку светлее и добрее. Уголок её губ дрогнул, и она улыбнулась, шире, чем за всё время, что они провели вместе в последние несколько дней, а затем снова опустила взгляд на свою пустую чашку.

— Ты чего это улыбаешься? — спросил Джейк, и его собственная улыбка стала ещё шире.

— Просто подумала, что вы отлично подойдёте друг другу.

Кая снова подняла глаза, но её взгляд скользнул мимо Джейка, за его спину, через окно с мутными морозными узорами. На секунду ей показалось, что там кто-то стоит, но она увидела лишь уходящую тень прохожего, растворяющуюся в снежной темноте вечера. Внутри странно сжалось, но она постаралась отмахнуться от этого чувства.

— Спасибо тебе, Кая, что снова согласилась встретиться,

— сказал Джейк спустя пару минут тишины, нарушая её своим мягким голосом.

Казалось, его нисколько не смущали ни эта повисшая тишина, ни её долгое молчание. Только её подавленный, уставший вид вызывал у него щемящую тоску и острое желание хоть как-то помочь. Он хотел обнять её, взять за руку, согреть своим теплом одним касанием, но сдерживал себя, понимая, что всему своё время. Три встречи за одну неделю это уже прогресс.

— Это тебе спасибо, — тихо ответила Кая. — Что вытаскиваешь меня из четырёх стен.

— Кстати, а почему ты уволилась с той работы? — осторожно спросил он, стараясь не давить на неё, но заметил, как её пальцы судорожно сжали рукав кофты.

Она не хотела говорить. Не хотела вспоминать Кристиана, его обжигающий взгляд, его нежные прикосновения и те красивые обещания, которые в итоге рассыпались в прах. Кая не хотела рассказывать про Себастьяна и его грязные намёки, про пистолет, который она тогда случайно увидела, и про тот липкий, удушающий страх, что поселился где-то под рёбрами. Про всё то, что в итоге заставило её уйти из дома Гротти, не оглядываясь назад.

— Эта работа оказалась слишком сложной для меня, — наконец выдавила она из себя, не поднимая глаз от пустой чашки. — Там был очень большой объём работы.

Джейк понимающе кивнул, хотя на самом деле был далёк

от того, чтобы представить реальный масштаб. Он не знал, каково это, дышать парами химии, от которых першит в горле и кружится голова, не знал, как выглядят руки после мытья кафеля агрессивными средствами. Он не представлял, сколько правил в тех домах, как много нужно знать и соблюдать.

— Ну и хорошо, что ты ушла. Я переживал, когда ты сказала, что работаешь у Гротти. И знаешь, что ни делается - всё к лучшему.

Кая кивнула, поджав губы. Ей хотелось верить в это «к лучшему».

— И что думаешь делать сейчас?

— Пока не знаю. Это сложно... всё сложно.

— Понял, — Джейк поднял руки в комичном жесте капитуляции, разряжая обстановку. — Молчу. Но если захочешь поговорить я всегда рядом.

Кая понимала, Джейк всегда был рядом поддерживал, помогал, не задавал лишних вопросов и не лез в душу, когда она сама не хотела открываться.

Ну же, Кая, очнись, сказала она себе мысленно, но перед глазами снова вставал Кристиан, и сердце болезненно сжималось, стоило только вспомнить его имя. Хотя на самом деле оно сжималось всегда. Забыть его, как бы она ни старалась, она не могла. Он жил где-то внутри, занозой, постоянной ноющей болью, которая не проходила, сколько бы дней ни прошло.

После кофейни Джейк, третий раз за эту неделю, привычным шагом пошёл провожать Каю до её дома. По дороге он расспрашивал, как она планирует встречать Рождество, и с явной надеждой в голосе позвал её присоединиться к его семье за праздничным столом. Но Кая смутилась от этого предложения и сразу поняла, что она совершенно не готова к такому ответственному шагу. В конце концов, Рождество — это семейный праздник, а она там будет явно чувствовать себя лишней. Чужим человеком, который своей тоской и подавленным видом только испортит атмосферу всеобщего веселья.

Джейк пытался не показывать, что расстроился, но лёгкая тень пробежала по его лицу, прежде чем он снова улыбнулся. Это не первый и не последний праздник. После Рождества, Новый год, а затем и День святого Валентина. Он уже мысленно строил планы на этот день, надеясь, что к тому времени Кая будет готова чуть больше, чем сейчас.

Они остановились около её дома и Кая начала слегка переминалась с ноги на ногу, нервно теребя в пальцах ключи. Джейк медлил, смотря на её лицо и у него внутри всё замирало в ожидании. Мысленно он взвешивал, стоит ли её поцеловать. Секунда, другая он уже готов был наклониться и коснуться её губ, но в последний момент его что-то остановило. Вместо этого он сделал полшага вперёд и быстро, подружески, обнял её.

— Ну ладно, до встречи тогда, — сказал он, поправляя шапку, когда объятия прекратились.

— До встречи, Джейк, — мягко ответила она и, пятясь спиной к двери, махая ему рукой. А потом развернулась и скрылась за дверью.

Джейк постоял ещё минуту, глядя на закрытую дверь, перевёл дыхание и медленно побрёл обратно, успокаивая гулко бьющееся сердце.

Зайдя в квартиру, Кая почувствовала, как сильно проголодалась. В кофейне она заказала только маленький капучино, позволить себе что-то ещё не могла, да и не хотела, чтобы Джейк снова за неё платил. Он и так уже оплачивал их встречи, а чувство неловкости с каждым разом становилось только сильнее.

Она открыла холодильник и увидела, что внутри лежит хлеб, пара яиц, небольшой кусок сыра и три помидора. Кая вздохнула и достала все эти продукты на кухонный стол, собираясь сделать себе омлет с томатами и поджарить хлеб с сыром. Она поставила сковороду на плиту, включила газ и начала взбивать яйца в миске, думая о чём-то своём, пока за окном медленно падал крупный снег.

Резкий звонок телефона заставил её вздрогнуть. Кая прошла в прихожую и достала телефон из кармана куртки. Нажимая кнопку принять вызов, она поднесла телефон к уху.

— Сюзанна, привет, — Кая старалась придать голосу

счастливым или хотя бы нормальный тембр.

— Привет, моя хорошая, как ты? — ласково сказала Сюзанна, и Кая могла представить её улыбку.

— Я в порядке, у тебя как? — Кая подошла к кухне, удерживая телефон между ухом и плечом, продолжая готовку.

— Ох, милая, мы взяли в аренду помещение! Помнишь, я говорила тебе о нём? С кирпичной стеной и большими окнами.

— Это замечательная новость, я очень рада за тебя, — Кая сказала это так искренне, что даже улыбнулась, не замечая этого.

— Работы правда ещё много. Пока пеку выпечку дома, Карлос делает ремонт на кухне, но ещё пару дней и я буду печь в своей пекарне, представляешь! А в конце недели планируем провести открытие. Так вот, обязательно приходи, хорошо?

От голоса Сюзанны веяло таким счастьем и теплом, что Кая зажмурилась. Она скучала по Сюзанне.

— Конечно я приду. Вам нужна помощь?

— Нет, спасибо Кая, в этом нет необходимости., тогда я буду ждать тебя. Или вас?..

Сюзанна на секунду замолкла, не произнося имени, и Кая закрыла глаза сжимая рукоять кухонного ножа в руках.

— С Кристианом всё кончено, — сказала она, не разжимая век. Произносить его имя вслух было больно. Сердце тут же забило тугим стуком в горле, казалось, ещё немного и

этот стук перекроет ей дыхание. — Это... не важно.

— Кая, он обидел тебя? — голос Сюзанны резко приобрёл тревожные нотки.

— Ничего такого, правда, это было обоюдно, — соврала Кая. Она не хотела загружать Сюзанну своими проблемами. — Черт! — тут же выругалась она, почувствовав, что омлет начал пригорать.

Телефон упал на пол, пока Кая переставляла сковородку на другую конфорку. Она тяжело вдохнула, протирая лицо руками, а затем наклонилась за телефоном.

— ...отвлекать, если что звони, милая.

— Обязательно. Спасибо, что позвонила.

— Пока, Кая, не пропадай.

Отложив телефон, Кая залила пакетик чая кипятком и начала соскабливать со сковородки подгоревший ужин, отделяя более-менее съедобные кусочки омлета. Пальцы слегка дрожали, но она старалась не думать об причине этой дрожи.

За окном всё так же падал снег, крупные хлопья медленно опускались на карнизы и подоконник. В комнате было тихо, только чайник иногда пощёлкивал, остывая после кипятка. Прошел очередной день, который нужно было просто пережить. Мысли уже начинали привычно сворачивать в сторону того, о чём думать не хотелось, и она с силой направила их в другое русло.

Нужна работа, иначе скоро станет совсем плохо с деньга-

ми. На счету ещё оставались средства, заработанные в особняке, но рядом с ними лежали деньги Кристиана, которые она не намерена была тратить. Они просто лежали там, напоминанием, упрёком, чем-то таким, к чему нельзя прикасаться, если хочешь сохранить хоть каплю самоуважения.

Глава 7

Кристиан шёл по улице, сжимая руки в кулаки. Хотелось врезать тому парню, что сидел напротив Каи в этой проклятой кофейне. Чёрт возьми, почему она была с ним? Кто он такой? Неужели она так быстро все забыла? Кристиан выругался сквозь зубы, всё больше увязая в этих мыслях, как в трясине. Ему вспомнились слова Себастьяна в ту ночь, но это же просто не могло быть правдой, он отказывался в это верить. Кристиан ускорил шаг, направляясь к отелю, чтобы снова напиться до беспамятства, и торопился, чтобы не передумать, не вернуться назад в ту злосчастную кофейню и не сломать тому парню челюсть.

Злость была ключом, когда он прошёл мимо ресепшена, приближаясь к лифту и нажимая кнопку вызова большим пальцем с силой, будто хотел её продавить. Он думал, что ему показалось, думал, что воображение настолько разыгралось, что он стал видеть её в лицах других людей, но это было не так. Это точно была она, и ее улыбка была подарена какому-то гребанному придурку, пока он сам задыхался от жгучей вины.

Влетев в номер, Кристиан с силой рванул куртку, срывая её с плеч, и швырнул ее на ближайшее кресло. Руки тряслись, а в груди полыхало так, будто там развели костёр из

ревности и отчаяния.

— Да чтоб тебя, Кая! — выкрикнул он в пустоту, не в силах больше сдерживать то, что рвалось наружу.

Он схватился за голову, сжимая виски, и тяжело опустился на край дивана, пытаясь сделать хотя бы один нормальный вдох. Но он застревал где-то в горле, не желая наполнять лёгкие.

Она сидела на свидании, пока он горел в огне собственной вины. Он чувствовал гнев и злобу на неё за то, что она его забыла. Да, Кристиан не заслуживал её прощения, но от того, что она так легко его забыла, в груди полыхало, будто туда плеснули бензина и поднесли спичку. В груди начало биться новое чувство, которое, как он думал, никогда к ней не испытает. Лёгкое, почти незаметное, но всё более отчётливое признание.

Кристиан сунул руку в карман джинсов, чтобы достать телефон. Пока он сам тут в одиночестве убивается и пытается найти её, чтобы извиниться за всё, она в это время спокойно ходит на романтические свидания. Да и нахрен её! Он тоже будет хорошо проводить время, просто охренеть как хорошо.

— Алан, привет, — начал он, поднимаясь с дивана, приближаясь к мини-холодильнику. — Ты свободен?

Номер, который был пустым всего два часа назад, теперь был поглощён людьми. Музыка грохотала из встроенных колонок, заставляя вибрировать стены. По всюду стояли полу-

пустые бутылки, кто-то целовался у кресел, в воздухе плотно висел запах табака и чего-то более тяжёлого, от чего слегка кружилась голова. Казалось, Кристиан снова вернулся в свою среду, в этот шумный, бессмысленный, пустой мир, где не нужно ни думать, ни чувствовать.

Кристиан пил алкоголь большими жадными глотками, горло неприятно обжигало, но он почти не чувствовал вкуса выпитого. Оказывается, если вокруг тебя так много веселящихся и беззаботных людей, может легко показаться, что и тебе самому становится весело и легко на душе. Он почти поверил в это.

— Да-а-а! — сказал Алан, слегка качая головой и довольно улыбаясь. — Неужели Кристиан снова в деле?

Кристиан улыбнулся пьяной, расслабленной улыбкой.

— Верно сказано, — выкрикнул он громко, перекрывая музыку. Сердце делало гулкие, тяжёлые стуки в груди от всего выпитого алкоголя, но он не обращал внимания.

— А где Себастьян? — спросил Роберт, подходя к ним. Он докуривал косяк и шурился от дыма, пуская его в потолок. — Не могу его найти.

Кристиан пожал плечами, держа в руках бутылку, чувствуя, как стекло холодит пальцы.

— Где бы он ни находился, главное - не здесь.

И не рядом с Каей, пронеслось у него в голове.

— А что случилось? — настороженно спросил Даниэль, но Кристиан только отмахнулся.

— Да какая разница? Давайте веселится! — он широким жестом обвёл рукой номер, битком набитый людьми. — Помогите мне сделать эту ночь по-настоящему особенной.

Музыка долбила так сильно, что, казалось, вибрация отдавала в сам позвоночник. Кристиан стоял в самом центре этого безумия и чувствовал, как каждый удар баса проникает в него, перестраивая сердечный ритм под себя. Вокруг были те, кто никогда его не поймёт, да что уж там, они не поймут даже самих себя. Он смотрел, как люди беспечно льют в стаканы и пьют, чокаясь друг с другом, как девушки в чокерах исчезают в спальнях. Ещё немного, и он выпустит всех своих демонов с цепей. Они рвались наружу, скребли когтями изнутри, требовали выхода, грязи и полного разрушения.

Пространство вокруг будто сжалось, превратившись в их собственную вселенную, полную грохочущей музыки и безудержного веселья, в каком-то дурацком, пьяном единстве. Алан размахивал руками и дёргался всем телом, от чего Роберт, запрокинув голову, засмеялся, и его громкий смех разлетался по номеру, смешиваясь с музыкой и чужими голосами. Даниэль подхватил какую-то дурацкую песню и орал её прямо в потолок, высоко задрав голову. Кристиан, сам того не замечая, начал подпевать, срывая голос на тех нотах, куда даже не пытался попасть.

Вокруг них кипела бурная жизнь: кто-то танцевал небольшими группами в центре комнаты, кто-то стоял у стены с бокалами, оживлённо жестикулируя в разговоре, который

невозможно было расслышать за музыкой. Девушки в коротких платьях соблазнительно танцевали, плавно двигая бёдрами под ритм. В этом тусклом свечении дым от сигарет и косяков закручивался причудливыми узорами, медленно уползая к высокому потолку.

Кто-то из компании заорал что-то нечленораздельное, перекрывая музыку, и Кристиан подхватил этот дикий крик, выпуская наружу всё, что копилось внутри. Он танцевал снова и снова под очередной хит, хотя уже не понимал слов, теряя смысл в этом белом шуме.

Когда они вчетвером, опустошённые и выдохшиеся после бешеных танцев, рухнули на большой кожаный диван, Кристиан откинул голову на спинку. Голова кружилась неимоверно, потолок медленно плыл куда-то в сторону. Но, если он закрывал глаза, становилось только хуже.

— Эй, Крис, у Роба есть кое-что для настроения, — сказал Алан, наклоняясь к его уху, перекрикивая музыку.

Кристиан вопросительно посмотрел на приятеля, и тут Алан недвусмысленно сделал вдох носом, зажимая одну ноздрю пальцем. Кристиан тут же помотал головой, но Алан закинул руку ему на шею, прижимая к себе с пьяной настойчивостью.

— Нет, так не пойдёт, друг. Ты хотел незабываемую ночь, а без волшебной пыли это невозможно. Эй, Роб, доставай.

Кристиан выпрямился и смотрел, как Роберт бесцеремонно сметает буклеты отеля с журнального столика на пол. За-

тем как он достает из кармана небольшой пакет и аккуратно высыпает содержимое на глянцевую поверхность стола.

Алан тут же достал из кармана пару купюр и положил их рядом. Когда Кристиану дали возможность сделать это первым, он снова помотал головой, отодвигаясь назад. Парни пожалы плечами и один за другим скрутили банкноты, склоняясь над столом, быстро втягивая узкие белые дорожки.

На столе осталась одна и Кристиан смотрел на неё слишком долго. Белая линия на тёмной поверхности стола, безобидная с виду, манила его, будто обещая забытье. Он знал, что за этим последует, знал каждую стадию этого пути. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, и он заставил себя думать, хотя пьяный мозг сопротивлялся, требуя только действия.

Зачем ему это делать? Чтобы перестать видеть её лицо каждый раз, когда закрывает глаза? Но ведь это не работает. Утром всё возвращается с утроенной силой.

С другой стороны, что у него осталось? Трезвый ум приносил только грызущую тоску, от которой хотелось выть. А здесь, в этой белой линии, было обещание хотя бы нескольких часов пропасть в черном омуте. Несколько часов, когда он не будет вспоминать, с какой нежностью она смотрела на него.

— Пошло всё, — хрипло пробубнил Кристиан, чувствуя, как внутри всё закипает от отчаяния и злости.

Он схватил последнюю купюру со столика, игнорируя

одобрительные выкрики и улюлюканье друзей. Его слегка дрожащие пальцы скрутили банкноту в тугую трубочку, и он склонился над столом. Кристиан сделал быстрый, резкий вдох, и мир вокруг него мгновенно изменился.

Горький, химический вкус обжёг носоглотку, и почти сразу в голову ударила волна ледяной ясности. Не той, что приносит трезвое решение, а той, что отсекает всё лишнее. Мир перестал вращаться, звуки стали чёткими, острыми, будто кто-то настроил частоты. Каждый удар баса отдавался где-то в позвоночнике, проходил сквозь тело, выбивая остатки тепла.

Кристиан откинулся на спинку дивана, чувствуя, как сердце разгоняется до бешеного ритма, по венам разливается искусственное, обжигающее спокойствие. Всё внутри затихло, сжалось в маленькую, горячую точку где-то в груди. Он закрыл глаза, чувствуя, как его тело становится лёгким и почти невесомым. Постепенно исчезали границы между ним и диваном, между ним и громкой музыкой, между ним и этим бесконечным, пульсирующим моментом, в котором не осталось места для боли и воспоминаний.

Он двинулся в центр комнаты, чувствуя, как каждая клетка его тела наполняется электрическим током, а кровь разгоняется по венам с удвоенной силой. Кристиан попытался влиться в ритмичный танцевальный поток, но его тело двигалось слишком резко и неестественно, абсолютно не попадая в такт музыке. Кристиан запрокидывал голову назад,

чувствуя, как по позвоночнику бегут холодные мурашки от этого синтетического удовольствия.

Рядом с ним кружились девушки, их длинные волосы разлетались в стороны, когда они делали плавные повороты под музыку. Одна из них, высокая брюнетка, приблизилась к нему почти вплотную и настойчиво попыталась прижаться, но Кристиан резко отодвинулся, даже не взглянув в её сторону, и сразу же сделал шаг назад, возвращаясь к парням.

Алан подскочил к нему навстречу с двумя бутылками вина в руках и сунул одну из них Кристиану. Они сделали по большому глотку прямо из горла под очередной музыкальный переход. Кристиан ощутил, как приятное тепло разливается по его груди, смешиваясь с действием порошка.

Даниэль что-то громко кричал Роберту через всю комнату, размахивая руками и указывая на импровизированную барную стойку, составленную из двух тумб и журнального столика, которые были сплошь завалены разными бутылками. Роберт одобрительно закивал и довольно оскалился в ответ.

Все это действие происходило и на вторые сутки. Кристиан просто не мог остановиться, да и не хотел этого. Он пил жидкое горе, хотя прекрасно знал, что от него нет никакой пользы. Хотелось нажраться так, чтобы ползать. Однако внутри все равно все горело, и это чувство не растворялось в алкоголе, не забивалось в косяки и не сгорало в наркоте.

Она просто жила внутри, гнила, отравляла каждую мысль.

В том состоянии, в котором он пребывал последние два дня, было что-то пугающее и одновременно притягательное. Несомненно, оно имело огромную власть над ним, но оно и забирало львиную долю боли, всех чувств и ощущений. А это всё, чего он хотел.

Толпы людей сменяли друг друга в течение этого времени, кто-то приходил, кто-то уходил, лица сливались в одно расплывчатое пятно, но Алан и Роберт оставались с ним в отеле уже вторую ночь подряд. Это было весело, если можно было назвать весёлым это безумное.

Кристиан уже не разбирал, что пьёт и что курит, отравляя свой организм самым изощрённым способом. Ему было абсолютно плевать на своё тело. Тело - это храм? Какой бред. Его тело было диким адом с чертями, пляшущими в крови, с жгучей лавой, разливающейся по венам.

— Кристиан, привет! — радостно воскликнула Женевьева, пробираясь сквозь плотную толпу с распостёртыми объятиями. На ней был элегантный твидовый жакет и короткая юбка, а её платиновые волосы были убраны в длинный густой хвост. — Сколько мы уже не виделись?

Она подошла и крепко обняла его, но Кристиан ответил на объятие лишь формально и не задержал свою руку на её талии дольше, чем того требовали приличия. За её спиной тут же появилась Ребекка, сверлящая его взглядом.

— А где Себастьян? — спросила Женевьева, окиды-

вая быстрым взглядом номер, который был битком набит людьми и затянут едким дымом.

Кристиан закатил глаза, и парни, стоящие рядом, тут же раскатисто засмеялись.

— Я что-то не так сказала? — она перевела хмурый взгляд на смеющихся парней, а затем обратно на Кристиана. — Вы же с ним всегда и везде вместе.

— Не всегда, видимо, — с ядовитой усмешкой ответил Кристиан, взяв ближайшую бутылку с тумбы. — Его тут нет. Можешь не искать.

Женевьева замерла на секунду, сводя брови к переносице, переваривая информацию. Она всматривалась в глаза Кристиана так пристально, будто пыталась найти там что-то важное. Ему на секунду стало не по себе от этого взгляда, но уже через мгновение её лицо снова озарилось лучезарной улыбкой.

— Где у вас мартини? — спросила она, подходя к импровизированной барной стойке, начиная перебирать бутылки. — Надеюсь, вы, парни, догадались взять что-то приличное и для девушек?

— Для тебя, киска, я достану всё, что захочешь, — промурлыкал Роберт, подходя к ней ближе и наклоняясь к уху.

— Отстань, Роб, — бросила она, даже не взглянув в его сторону, продолжая изучать содержимое стола.

Женевьева была по уши влюблена в Себастьяна, и, казалось, это знали все вокруг. Она сама призналась ему ко-

гда-то, открылась, надеясь на что-то большее, но так и не получила взаимного ответа. Однако время от времени Себастьян трахал её в гостевом домике ее поместья, или на заднем сиденье своей машины. Он не планировал давать ей большее, а она оглашалась на это снова и снова, потому что даже такие встречи были для неё лучше, чем ничего.

Тем не менее несмотря на то, что между ними не было и намёка на отношения, она была ему верна. Не спала с другими, не искала замену, ожидая, когда он позвонит.

Чего нельзя было сказать о Себастьяне. Он брал своё где хотел и с кем хотел, не чувствуя ни вины, ни ответственности.

Со всеми остальными она вела себя как стерва: холодная, колкая, недоступная, несмотря на все те ухаживания, что получала, казалось, ежеминутно. Но Себастьян всё равно оставался для неё тем самым журавлём в небе, к которому она тянулась, зная, что никогда не поймает.

Кристиан для неё был просто другом того самого желанного парня. Однако она относилась к нему хорошо, по-дружески, позволяла себе быть с ним мягче, чем с остальными. Может, потому что он был единственным, кто не заглядывал ей под юбку? Он всегда был лишь свидетелем её добровольного падения.

Сам Кристиан внутри себя сострадал её безответной любви к Себастьяну. Он видел, как она сгорает, как отдаёт себя, не получая ничего взамен, но всё равно каждый раз прини-

мает его с распростёртыми объятиями, когда бы он ни пришёл. Видел этот бесконечный круг из надежды и разочарования и чувствовал что-то похожее на жалость. Он презирал такой вид любви. Думая об этом сейчас, Кристиан фыркнул себе под нос.

— М-да, — протянула она, не найдя ничего интересного для себя в этом бардаке из стеклянных тар. — Кристиан, я разочарована. Как обычно, опять думаешь только о себе. — она кивнула на бутылку виски в его руках. — Будь другом, закажи мне что-нибудь, а?

— Без проблем, — Кристиан лениво усмехнулся и перевёл взгляд на Роберта. — Роб, сгоняй в бар.

— А что мне за это будет? — игриво спросил Роберт, сверкнув глазами.

— Я смогу разговаривать с тобой нормально целых две минуты, — отрезала Женевьева, даже не удостоив его взглядом.

— Если на кону не стоит твоя киска, я не стану даже пальцем шевелить, — двусмысленно отозвался Роберт, ухмыляясь.

Женевьева демонстративно поморщилась и показала ему средний палец, от чего Алан разразился издевательским смехом, хлопая Роберта по плечу.

Кристиан кивнул и поплёлся к стойке с телефоном, заказывая дополнительную порцию алкоголя и закусок. Через пятнадцать минут персонал отеля уже расставлял бутылки у

импровизированного бара, заменяя пустые на полные.

— Крис, ты чудо, — промурлыкала Женевьева, принимая бокал с оливкой и довольно улыбаясь.

Кристиан подмигнул ей и сел рядом на диван, чувствуя, как тело тяжелеет, но внутри всё ещё горит этот бешеный огонь, требующий продолжения. Ему по-прежнему было мало, казалось, каждые три часа дозу нужно было увеличивать.

Женевьева начала что-то оживлённо щебетать о своём, но он почти не вслушивался в её слова, только время от времени машинально кивал, глядя куда-то далеко сквозь неё. Его мысли были заняты совершенно другим человеком.

— Как я могла забыть! Мои родители только об этом и говорят! — провопила Женевьева, и Кристиан зажмурился на секунду, будто это могло защитить его от её голоса. — Ты и Коуэлл! Вот это да!

— Чёрт, точно! — Роберт тут же подвинулся ближе, вытягиваясь к Кристиану через Женевьеву. Его расширенные зрачки бешено блестели от жадного любопытства. — Поделись, какая она? По любому не такая скромница. Ты уже поимел эту сладкую тихоню?

— Да помолчи ты, — отодвигая Роберта, сказала Женевьева, — Когда свадьба?

— Да кого волнует эта свадьба? — влез в разговор Алан, и его голос звучал как у хищника, учуявшего добычу. — Она тебе уже отсосала? Говорят, она это делает божественно.

— Заткнитесь уже, — глухим тоном сказал Кристиан.

Он уже забыл о свадьбе с Лейлой за всё то время, что произошло за последние недели. Она казалась ему теперь совсем далёкой, почти нереальной проблемой, которая его будто больше не касалась.

Не желая слушать ничего на эту тему, он резко встал, оставляя Женевьеву и остальных с немим недовольством на лицах, и быстрым шагом направился в ванную комнату.

Кристиан дёрнул ручку, и заметил пару, которая решила уединиться там в свете подсветки вокруг зеркала. Они даже не сразу поняли, что он здесь, увлечённые друг другом. Кристиан зло рыкнул на них выгоняя вон. Парочка что-то возмущённо пробормотала, но он уже захлопывал за ними дверь, отрезая себя от шума.

Он остался один в большем помещении ванной комнаты, и поднял глаза на своё отражение. На него смотрел человек с красными, воспалёнными глазами, взлохмаченными волосами и с тяжело вздымающейся грудью.

Кристиан наклонился к раковине, включил воду и начал умываться прохладной водой, пытаясь смыть огонь с лица. Потом припал губами к струе, глотая воду большими глотками.

Затем он поднял глаза и увидел в отражении зеркала Ребекку, которая тихо вошла и теперь стояла позади. Она медленно подошла к нему вплотную и положила свои холодные руки на его напряжённые плечи, слегка сжимая их.

— Что ты тут делаешь? — спросил он безразличным го-

ЛОСОМ.

— То же, что и ты, — её голос звучал вкрадчиво и соблазнительно. — Прячусь от этой утомительной, шумной толпы.

Он развернулся к ней, и она тут же обвила его шею руками, прижимаясь к нему грудью.

— Бека, если тебе не нравится шум толпы, зачем ты сюда приперлась?

— Ну, у меня были свои причины, — сказала она, переводя взгляд с его глаз на губы и обратно.

— Отстань, — раздражённо ответил он, отталкивая её руки с себя.

Она послушно убрала их, но не переставала смотреть на него с хищным прищуром. Затем сунула руку в задний карман джинс и достала блестящий свёрток.

— У меня есть кое-что. Но чтобы это получить, нужно кое-что сделать. — прошептала она, поглаживая пальцами упаковку

Не отпуская его взгляда, Ребекка начала медленно шуршать блестящей упаковкой, затем приоткрыла рот слегка высунув язык. Она нарочито медленно положила на него небольшую таблетку в форме розового сердечка, и её губы тронула едва заметная улыбка.

Кристиан сглотнул и причиной была вовсе не Ребекка. Это была таблетка экстази на её языке, который казался сейчас единственным спасательным кругом в этом тонущем мире. Он смотрел, как она медленно начинает таять под воздей-

ствием слюны. Он не хотел целовать Ребекку, но крошечная таблетка манила, обещая новые ощущения взамен на горечь.

В голове билась одна мысль: это предательство перед Каей. Он представил её лицо, её глаза, и внутри болезненно кольнуло, заставляя сердце ударяться об ребра. Но тут же следом пришла другая ядовитая мысль: ей явно было на него плевать. А он все еще рефлексирует на эту тему как последний идиот. Но самому себе он не мог врать, ему не было не все равно.

Он лихорадочно перебирал в голове все «за» и «против», пытаясь найти оправдание. Ему ведь не впервой целовать девушку без каких-либо чувств и обязательств, и этот поцелуй с Ребеккой ничего не будет значить для него. Да и что он, собственно, терял? Стоя здесь, в этой комнате, по сути, оказавшись на самом дне.

Он резко потянулся к ней, и Ребекка улыбнулась, но язык продолжала держать в том же положении. Кристиан начал наклоняться, закрывая глаза.

В темноте закрытых век он увидел Каю. Он старался не думать о ней, но она возникала сама, стоило только отключить контроль. Он припал языком к языку Ребекки, забирая таблетку, но она тут же обхватила его шею руками, притягивая к себе. Кристиан судорожно проглотил таблетку и через силу ответил на её настойчивую ласку. Этот поцелуй был грязным и пошлым, но он всё равно углубил его, пытаясь заглушить боль.

Может, стоило засунуть свою грёбаную порядочность глубоко в задницу? Туда, где уже лежали все остатки совести, все обещания, данные самому себе.

Может стоило трахнуть эту сучку, что так отчаянно к нему липнет. Она бы сделала для него всё, что он попросит. Кристиан мог закрыться с ней в спальне прямо сейчас и трахать её, пока не вырубится, пока эта дрянь в крови не сотрёт всё, что осталось внутри. Он мог взять её жёстко, грубо, не спрашивая, хочет ли она, не думая, будет ли ей приятно. Он мог сделать с ней всё, что угодно.

И, чёрт возьми, это было проще всего на свете. Просто взять то, что само лезет в руки. Так поступал он сам ещё недавно, когда мог уложить на лопатки любую и забыть её имя уже на следующий день, когда в голове не было никого, кроме очередной пустой блондинки с вечеринки. Когда он ещё не знал, что такое смотреть в тёплые глаза и понимать, что без них уже не можешь, что это всё, что тебе нужно, и только рядом с ней ты чувствуешь себя нужным.

В этот момент он чувствовал острое отвращение к самому себе, к тому, где находился. Он презирал себя за то, что вообще рассматривал этот грязный вариант, когда образ Каи стоял перед глазами такой живой и манящий.

Он грубо отстранился, оттолкнув чужие руки от своего тела. Ребечка жалобно простонала и снова потянулась к нему. Её пальцы вцепились в его футболку, но Кристиан оторвал её от себя, чувствуя, как отвращение поднимается из груди,

перехватывает горло, застилает глаза белой пеленой.

Он не мог этого сделать. Чтобы не делала Кая, с кем бы она ни была сейчас, Кристиан не мог находиться с кем-то другим. Не мог хотеть кого-то другого. Не мог позволить чужим губам касаться его губ, чужим рукам - его тела. Всё это принадлежало только Кае. Даже когда она, возможно, уже забыла о его. Даже когда он сам разрушил всё, что между ними было.

— Ребекка, мать твою, оставь меня в покое! — рявкнул он, когда она потянулась к ремню на его джинсах.

Кристиан вышел из ванной и оставляя её одну в полумраке с размазанной помадой и злым блеском в глазах.

Он останется долбаным недотрогой, если так нужно. Икупит эту боль верностью, о которой она даже не узнает. Потому что, если он сделает это сейчас, если позволит себе сломаться окончательно и отдаться первому встречному телу, лишь бы заглушить эту грызущую пустоту, тогда всё будет кончено. Тогда он перестанет быть тем человеком, которым она его сделала, и навсегда потеряет её, даже ту, что живёт только в его воспоминаниях.

Как бы он ни пытался убежать от этой суровой реальности, Кристиан вдруг отчётливо понял, что он просто не готов, чтобы Кая покинула его разум. Он не готов променять её образ даже на минуту дешёвого забытья и не отдаст этому забытью последнее, что у него ещё осталось. Потому что это всё, что осталось от того человека, которым он был, когда

находился рядом с ней.

Кристиан медленно побрёл обратно к парням, то и дело спотыкаясь о какие-то предметы, бесцеремонно валяющиеся на полу, и ему было абсолютно плевать, что это могло быть. Размытым, плывущим взглядом он даже не пытался разглядеть никакие детали, которые могли бы выдернуть его из этого состояния. С каждым новым шагом земля будто уходила у него из-под ног, а пол становился зыбким и ненадёжным, но Кристиан чувствовал своё тело по-новому, удивительно лёгким, почти невесомым и совершенно чужим.

Даже если бы в той проклятой ванной он закрыл глаза и изо всех сил представлял перед собой Каю, этого всё равно было бы катастрофически недостаточно. И ни Бека, ни любая другая девушка в этом мире, ни алкоголь, ни наркотики, ни один поцелуй и самый дикий секс не могли бы её заменить.

Дойдя, наконец, до дивана, Кристиан и вовсе потерял фокус и реальность вокруг. Перед его глазами всё безнадёжно плыло, их лица расплывались в бесформенные цветные пятна, а звуки музыки то внезапно приближались, то снова отдалялись, превращаясь в один сплошной гул. Но внутри него нарастало что-то невероятное и потустороннее, какое-то странное ощущение полёта, будто его тело оторвалось от грешной земли и теперь парило где-то высоко в нескольких сантиметрах над реальностью.

Кристиан закрыл глаза, позволяя этой волне синтетиче-

ского кайфа накрыть его с головой, без остатка. Он чувствовал, как обжигающий огонь разливается по его венам раскалённым жидким металлом, как напряжённые мышцы медленно расслабляются, как исчезает острая боль, исчезают все его мысли и исчезает всё, кроме этого сладкого, обволакивающего чувства эйфории. И он, наконец, довольно улыбнулся, запрокинув голову назад и отдаваясь этому искусственному, но такому необходимому сейчас спокойствию.

Глава 8

Пробуждение наступило резко, выдёргивая Кристиана из ярких, галлюцинаторных снов грубой рукой. Кто-то схватил его и потащил за собой. Кристиан вяло пытался открыть глаза, пока плёлся за этим размытым силуэтом, не в силах оказать никакого сопротивления. Он пытался вслушаться в происходящее вокруг, но внутри его головы стоял противный, высокочастотный писк, заглушавший все остальные звуки.

Его тело резко сбросили на холодный кафель, и Кристиан даже не пытался всматриваться перед собой сквозь полузакрытые веки, не фокусируясь ни на чём. А потом ледяные струи воды обрушились на него, и он дёрнулся, пытаясь закрыться руками, но вода била без остановки. Вся одежда мгновенно взмокла и прилипла к телу, от чего стало почти невыносимо.

— Блять, хватит! — Кристиан подал голос, пытаясь перекрыть шум ледяного потока, но собственный голос прозвучал хрипло и глухо, будто принадлежал кому-то совершенно другому.

— Очнулся наконец, — знакомый голос пробился сквозь писк в ушах, и Кристиан, открыв глаза, всмотрелся в фигуру Николоса, стоящего напротив с душевой лейкой в руках, из которой вода теперь струями врзалась в стену.

Кристиан зажмурился, потом снова открыл глаза, щурясь и пытаясь всмотреться в пространство вокруг себя.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, с трудом возвращая внимание на Николоса.

— Кристиан, это ты что тут делаешь? Что ты тут устроил, а? — его голос был жёстким, металлическим, не терпящим возражений.

— Неважно.

Николас бросил лейку на пол, от чего она стала бить водой прямо в потолок, подскочил к нему и схватил за ворот мокрой футболки, притягивая к себе.

— Важно, черт возьми! Ты хочешь сдохнуть в одну из этих попок?

— Отвали от меня! — Кристиан нашёл в себе силы оттолкнуть его руки.

— Ты пропал на целую неделю, а я нахожу тебя здесь, в этом номере, похожем на пепельницу, и с кучей невменяемых людей. Ты пытаешься стать законченным наркоманом? Решил себя угробить?

Кристиан замер, пытаясь осмыслить это страшное слово. Неделя? Только вчера ведь всё началось, разве нет? Он попытался вспомнить, сколько раз за окном сменялся день, но в его голове была только мутная каша.

— Я не наркоман, — прохрипел Кристиан, чувствуя, как внутри закипает глухая злость. — Ты вообще ничего не знаешь.

— Я тебя искал по всему городу! Пока один из твоих дружков не сдал мне название отеля!

Николас замолчал, сжимая кулаки так, что руки саднило от напряжения. Было заметно, как он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не ударить Кристиана. Через минуту он отошёл от него, выпрямляясь и глубоко вздохнул.

— Вставай, — сказал он жёстким, не терпящим возражений тоном. — Вставай, мать твою, и приведи себя в порядок. Я буду ждать тебя в гостиной, а потом отвезу домой.

— Я никуда не поеду, — Кристиан упёрся руками в мокрый пол, пытаясь подняться, но его тело было ватным. — Просто оставь меня здесь.

— Чтобы завтра тебя нашли с иглой в вене?

— Да какая тебе разница? Я тебя не просил приезжать!

— Заткнись, Кристиан, — Николас шагнул к нему, но вовремя остановился, сдерживая себя. — Я не ударил тебя только потому, что это сильно расстроит твою сестру. Ты хоть на минуту подумал о Джулии? О своей семье?

Кристиан, начал дрожать противной дрожью, которая поднималась откуда-то изнутри и не имела никакого отношения к холодной футболке, что липла к его телу.

— Джулия бы этого не вынесла. Но, если ты посмеешь причинить ей боль, я убью тебя. Собственными руками. Ты понял меня?

Кристиан замер, судорожно сглатывая колючий комок в горле. Он молча смотрел на удаляющуюся спину Николаса,

который направился к выходу из ванной, а затем закрыл глаза и с силой ударился затылком о холодную кафельную стену.

Душ не подарил нужного ощущения, но сделал вид Кристиана более опрятным. Накинув махровый халат, и надевая отельные тапочки, он уставился в своё отражение в запотевшем зеркале. Что могло попасть в его организм за эту неделю? Где его телефон? Почему Николас вообще начал его искать?

Он почистил зубы, избавляясь от неприятного привкуса во рту, и двумя руками зачесал мокрые волосы назад. Выйдя из ванной, он готовился увидеть разруху, но то, что представило перед глазами, оказалось хуже любых ожиданий. В коридоре царил настоящий хаос. Окурки валялись повсюду, разбитые бутылки хрустели под ногами, на паркете расплылись липкие пятна алкоголя. Одна из картин на стене была варварски исписана чёрным маркером.

Кристиан прошёл дальше, в гостиную, и его едва не вывернуло на месте. Белые стены, которые ещё недавно сияли стерильной чистотой люкс-отеля, теперь были разрисованы граффити, кривыми, непристойными рисунками. Кто-то изрисовал целую стену членами и неприличными надписями, не пожалев дорогого интерьера. Дизайнерский торшер валялся сломанный пополам в углу. Бутылки, банки, упаковки, этикетки, окурки, следы порошка на журнальном столи-

ке. Комната имела отвратительный запах перегара от чего к горлу подкатывала тошнота.

Кристиан невольно сглотнул ком, подступивший к горлу. Это выглядело как притон, а не как номер президентского люкса. От вида этого эпического разгрома подкатила смесь отвращения, стыда и какого-то животного ужаса перед тем, во что превратилась его жизнь за эту неделю. Он перевёл взгляд на окно, где стоял Николас. Тот даже не обернулся на его появление, только бросил коротко, глядя куда-то вдаль, на город.

— На столике кофе. Советую тебе его выпить.

Кристиан послушно сделал несколько шагов к столику, взял чашку и сделал глоток. Горячий кофе обжёг горло, но это было даже приятно. Хоть какое-то разнообразие за эти дни.

— Как Джулия? — спросил он хрипло, не поднимая глаз от чашки.

Николас медленно, словно нехотя, повернулся к нему от окна. В его усталом взгляде всё ещё читалась та же стальная жёсткость, что была в ванной, но сейчас к ней примешивалось что-то ещё. Скорее всего, это было полное разочарование в человеке, которого он когда-то считал своим другом.

— А ты как думаешь? Она звонила тебе раз пятьдесят, может больше. Я сбился со счёта. А я врал ей, Кристиан, так же, как и твоим родителям. Говорил, что ты хочешь побыть один, что тебе нужно время, что ты скоро вернёшься.

Кристиан сжал чашку и не мог выдавить из себя ни слова. Только ком в горле, и тошнотворное чувство собственной ничтожности, которое разъедало изнутри.

— Я врал твоей семье, — повторил Николас, и голос его дрогнул впервые за весь разговор. — Потому что ты решил закопать себя в наркотиках и алкоголе. Ты хоть представляешь, что было бы, если бы я нашёл здесь твой труп? Если бы мне пришлось звонить Джулии и говорить ей, что её брат, которого она любит больше жизни - мёртв?

Он сделал шаг вперёд, и в его глазах стояло что-то, чего Кристиан никогда там не видел.

— Ты думал об этом хоть раз, когда нюхал эту дрянь? Когда смешивал алкоголь с таблетками, когда позволял этому безумию себя угробить? Ты думал о том, что кто-то будет собирать тебя по кускам? Что Джулия будет стоять у твоего гроба, зная, что наш ребёнок никогда не узнает своего дядю? Что твоя мать будет выть от боли, а твой отец, который всю жизнь держал всё под контролем, впервые в своей жизни не сможет ничего сделать?

Николас замолчал, сжимая кулаки, было видно, как он сдерживает себя, чтобы не сорваться.

— Я больше не буду врать твоей семье, — уже тише добавил он. — Ты сам будешь смотреть им в глаза и объяснять, где ты был и что с тобой происходит. Я умываю руки, Кристиан.

— Прости, — только и смог сказать Кристиан, чувствуя,

как глаза защипало.

— Ты не мне должен это говорить. — Николас покачал головой. — Почему ты вообще решил к этому вернуться?

Кристиан замялся, чувствуя, как слова застревают в горле колючим, непробиваемым комом. Он не хотел говорить. Не хотел произносить это вслух, делать реальным. Однако взгляд Николаса был требующим ответов.

— Я видел её с другим, — произнёс он наконец, и голос его был таким глухим, будто говорил не он, а кто-то другой, выпотрошенный. Он не поднимал взгляда, не мог смотреть на Николаса, на это разочарование в его глазах.

— Кого? — переспросил Николас.

— Мою Каю, — прошептал Кристиан. — Только я теперь совсем не уверен, что она всё ещё моя.

Николас смотрел на него несколько долгих секунд, переваривая услышанное, а потом горько усмехнулся и устало покачал головой.

— Да брось, Крис, ты же не серьёзно.

Кристиан поднял на него глаза, и в этом тяжёлом, полном боли взгляде было столько чёрной, непроглядной тоски, что Николас на мгновение замер.

— Да, представь себе, — голос Кристиана сорвался, и он подался корпусом вперёд. — Я думал, что всё разрушил, думал, что погубил её, а она уже нашла мне замену! Я себя сжирал заживо чувством вины, а она, блять, сидела с каким-то хреном в кофейне и улыбалась ему! — Кристиан уже почти

кричал, не контролируя себя. — Почему должно быть больно только мне одному? Почему мне так больно?!

— Какой же ты всё-таки идиот, Кристиан! — Николас грубо оборвал его. Он замолчал, будто давая Кристиану шанс осознать, как это звучит. — Может, это был её друг. Или просто знакомый, с которым она решила выпить кофе, потому что чувствовала себя одиноко. Ладно, я понимаю, если бы ты застал их в каком-нибудь мотеле, но в кафе, Крис? В кафе, мать твою? Ты готов был сдохнуть из-за того, что она выпила кофе с каким-то парнем?

Кристиан зажмурился, отгоняя то, что услужливо подсовывало ему разыгравшееся воображение. Картинки мотеля одна другой грязнее проносились перед глазами.

— Кристиан, послушай меня, — голос Николаса приобрёл режущие нотки. — Это может что-то значить, а может не значить ничего.

Кристиан тяжело дышал, грудь вздымалась резкими, неровными движениями. Он медленно обвёл взглядом, разрушенный номер, а потом перевёл глаза на Николаса.

— Я не знаю, что со мной, — выдохнул Кристиан, и голос его прозвучал глухо, чужим, разбитым эхом. — Я просто не могу... я не могу без неё. И когда я увидел её там, с ним... у меня внутри что-то оборвалось.

— Или вообще, может дело вообще не в ней? Может, это просто повод? Может, тебе пора в клинику, Кристиан, пока ты окончательно себя не угробил?

Николас вёл машину плавно, будто научился этому за долгие годы жизни с Джулией, особенно теперь, когда на заднем сиденье их машины скоро появиться детское автокресло.

Кристиан сидел в пол-оборота к окну, вжимаясь в холодную дверь, и нервно постукивал ногой по полу автомобиля. Его колено ходило ходуном, выдавая всё то напряжение, которое он тщетно пытался спрятать за каменным лицом.

Машина наконец остановилась в просторном гараже поместья Костелло. Кристиан стыдливо поплёлся за Николасом в дом, чувствуя, как тяжесть в груди становится почти невыносимой. В гостиной было необычно тихо, и Кристиан замер в дверном проёме, когда увидел одинокую спину. Джулия сидела в кресле, ссутулившись.

— Джул, — тихо позвал он, и его голос сорвался на первом же слогe.

Она медленно повернулась, и в её глазах была такая глубокая, выжженная боль, что Кристиан физически почувствовал удар где-то в груди. Сердце сделало один огромный, болезненный толчок и, кажется, пропустило следующий удар, застыв где-то в горле.

— Кристиан, — выдохнула она сдавленно, поднимаясь с кресла и делая неуверенный шаг к нему.

Кристиан сам шагнул к ней, сократив расстояние в несколько широких шагов. Джулия тут же обвила его спину руками, прижимаясь полубоком к его груди, и вдруг мелко

и сильно задрожала. Она начала тихо плакать, уткнувшись лицом в его плечо, и эти сдавленные, едва слышные всхлипы разрывали его изнутри сильнее любого физического наказания.

Кристиан прижал её к себе покрепче, обнимая за плечи, а второй рукой медленно и нежно гладил её по волосам. Он чувствовал, как её горячие слёзы пропитывают его одежду, обжигая кожу.

— Прости меня, пожалуйста, — шептал он в её макушку, целуя мягкие волосы и зажмуриваясь от собственного полного бессилия. — Прости... прости меня, Джул...

Казалось, его сердце сейчас разорвётся на части от этих слёз, от этой тихой, безысходной боли, которую он причинил дорогому человеку.

Он открыл глаза и встретился взглядом с Николасом, который стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к стене. Его кулаки были сжаты, а в глазах горел дикий, едва сдерживаемый огонь ненависти. Если бы не Джулия, которая сейчас рыдала у него на груди, Николас, кажется, разорвал бы его голыми руками прямо здесь, не задумываясь.

И Кристиан был готов получить этот всплеск агрессии, он сам хотел испытать физическую боль от ударов. Потому что он заслужил их, потому что ни один удар в мире не мог сравниться с той болью, которую он причинил своей сестре. Он почувствовал, что разрушает всё, к чему бы ни прикасался.

Глава 9

Все постепенно начало налаживаться. Это были тяжелые, долгие разговоры, сначала с Джулией, где он просил у неё прощения, держа её за руки и чувствуя, как слова застревают в горле. Потом перед Николасом, за страдания сестры, за ту боль, которую причинил ей, а вечером перед родителями. Кристиан говорил с ними отдельно и вместе, в очередной раз прося прощения.

Николасу, несмотря на жгучий стыд, Кристиан признался, что бесконечно благодарен ему за то, что он не бросил его, вытащил из этого ада и оказался рядом, когда он сам уже похоронил себя заживо. Сейчас, когда алкоголь наконец полностью выветрился из его организма, когда его мысли перестали быть липкими и мутными, он начал понемногу понимать, насколько мерзко поступил не только со своей семьёй, но и с самим собой.

Но ближе к вечеру того же дня началась настоящая агония. Сначала появилось просто беспокойство, дрожь в пальцах, сухость во рту, нервное, почти неконтролируемое желание постоянно двигаться. Кристиан ходил из угла в угол, сжимая кулаки, чувствуя, как напряжение неумолимо нарастает в груди. Он не позволял себе выйти из своей комнаты, потому что не мог позволить семье увидеть это безумие.

А потом его накрыло и внутри всё загорелось. Кости ломало так, что хотелось выть, каждый сустав кричал, требуя новую дозу. Кристиан зарылся лицом в подушку, вцепившись в неё зубами, чтобы не закричать. Пальцы скребли по простыне, ища опоры. И он не знал, сколько это длилось. Кто-то стучал в дверь, звал его, но он не мог ответить, не мог оторвать лицо от подушки. Потому что, если откроет рот, оттуда вырвется только вой.

— Кристиан, открой дверь! — голос Николоса пробивался сквозь шум в ушах.

Кристиан сполз с кровати на пол, ударился плечом о тумбочку, опрокинул на себя стакан с холодной водой.

— Крис, я выломаю эту дверь, если ты не откроешь!

Кристиан лежал на полу, прижимая голову к коленям, та безжалостно пульсировала. Дверь тут же распахнулась и Николас вошёл и замер, глядя на него.

— Что с тобой? — спросил он, делая шаг вперёд.

Кристиан не отвечал, его колотил озноб, а мышцы сводило судорогой. Николас наклонился, пытаясь привести его в чувства, и Кристиан открыл глаза.

— Ударь меня, — Кристиан поднял на него лицо. — Я не могу больше! Выруби меня, чтобы я отключился!

— Успокойся! — Николас схватил его за плечи, пытаясь поднять. — Вставай, сейчас...

— Нет! — Кристиан отшвырнул его руку, отползая к стене, вжимаясь спиной в холодную поверхность — Я не встану!

Я не могу! Я сейчас сам себе руки переломая, лишь бы это прекратилось! Ударь меня!

Он уже не контролировал себя. Его голос срывался на хрип.

— Кристиан! — Николас схватил его за плечи, прижал к стене, заставляя смотреть на себя. — Посмотри на меня! Ты слышишь?

— Ударь меня.

Николас смотрел на Кристиана секунду. Его лицо окаменело, челюсть сжалась, в глазах вспыхнуло что-то тяжёлое.

— Ну же! — выкрикнул Кристиан. — Дав...

Николас не дал ему договорить, резко ударив в живот. Кристиан согнулся пополам, воздух со свистом вырвался из лёгких, перед глазами поплыли круги. Но он сжал зубы, упёрся рукой в стену, выпрямился.

— Ещё, — выдохнул он, — Мне нужно ещё!

— Нет.

Кристиан посмотрел на него мутными, безумными глазами. Он знал, что сейчас сделает. Знал, что это низко, что это грязно, что это делает его последним дерьмом. Но внутри разгорался вулкан, который он не знал, как потушить. Он решил провоцировать Николаса до конца, до той черты, за которой уже не будет возврата. Ему нужно было, чтобы его ударили. Ему нужно было, чтобы кто-то пробил эту стену боли, которую он сам выстроил вокруг себя.

— Вспомни, как плохо было Джулии, когда я пропал. Как

она плакала. Как места себе не находила. И всё из-за её грёбаного брата, который...

Николас ударил его в челюсть. Коротко, жёстко, на чистой, клокочущей злости. Кристиана мотнуло в сторону, его затылок встретился со стеной, и мир взорвался белыми искрами. Он сполз по стене на пол, чувствуя, как пульсирует скула, как агония, которая жгла его изнутри последние часы, наконец отступает, сменяясь острой физической болью.

— Ты, блять, думаешь, это поможет? — Николас уже начал выходить из себя, голос стал опасным.

— А что мне ещё делать? — Кристиан поднял на него мутный, красный взгляд. — Мне плохо, Николас. Я пытаюсь. Я правда пытаюсь не сломаться, но у меня не получается.

— Так и должно быть! — рявкнул Николас. — Это обратная сторона того дерьма, которое ты в себя вливал. Ты должен через это пройти и должен это прочувствовать! Так что терпи и не ной!

Кристиан зажмурился, скула пульсировала болью, висок горел огнём, но, несмотря на это, казалось, что по венам снова течёт расплавленный металл. Он начал делать рваные, прерывистые вдохи, чувствуя, как тело снова начинает дрожать.

— Николас, сделай что-нибудь, пожалуйста, — прохрипел он. — Я, блять, не могу. Я не вывезу.

— Вывезешь, — сказал Николас и снова взял его за шкирку, рывком поднимая с пола и направляя в ванную комнату.

— Я понимаю тебя. Понимаю, как это дерьмо тебя ломает. Но я не дам тебе сломаться.

В течении пяти дней, когда Кристиан бился в агонии на полу собственной комнаты, Николас был рядом. Он говорил о том, что это пройдёт, что он справится, что это просто химия, просто дерьмо, которое покидает тело, и что каждый час, каждый прожитый день без таблеток - это уже победа.

Однако Кристиану казалось, что он не выдержит. Что это никогда не кончится, что он попросту не сможет. Но Николас просто не давал ему упасть ко дну. Каждый раз, когда Кристиан начинал сползать, терять себя в этой агонии, Ник хватал его за плечи и тащил в ванную, где ледяная вода обрушивалась на разгорячённую кожу, возвращая его в реальность.

Они закрывались в комнате на замок, и это была их тайна. Николас не хотел держать её от Джулии такие секреты, каждый раз, выходя из комнаты Кристиана, он смотрел на жену с чувством вины, но понимал лучше так. Она никогда не должна была этого видеть брата таким.

На шестой день Кристиан впервые почувствовал, что может дышать спокойнее. Боль не ушла, но перестала быть всепоглощающей, перестала затмевать всё вокруг и застилать глаза белой пеленой.

И теперь он больше не мог смотреть в зеркало на того человека, который смотрел на него оттуда последние дни. На

того Кристиана, которого он всеми фибрами души теперь презирал. Прошлый Кристиан обманул любимую, разрушил всё, что было между ними своим молчанием. Он пытался топить боль в алкоголе и наркоте, но чуть не утонул сам. Прошлый Кристиан был слабаком. И от этого осознания становилось тошно. Он не хотел быть таким, не хотел оставаться прошлой версией себя.

Поэтому сейчас он сидел на стуле в своей ванной комнате, напротив зеркала, пока Николас, стоявший за его спиной, водил машинкой по его голове.

— Спасибо, — сказал он, глядя на Николаса в отражении. Тот лишь хмыкнул, слегка наклонил рукой голову Кристиана, чтобы было удобнее работать.

— Я же сказал, что ты справишься.

— Без тебя я бы не смог, — голос Кристиана дрогнул. — Ты меня спас. Опять.

— Я бы мог сказать, что делаю это для Джулии, но это будет полуправдой. Ты тоже важен для меня, Крис. Я тоже за тебя переживаю.

Кристиан понимающе посмотрел на него, а потом вспомнил кое-что:

— Ты говорил, что понимаешь меня. Это ты о чем?

Николас слегка нахмурил брови, не отрываясь от работы, а затем выпрямился и посмотрел Кристиану в глаза. Какое-то время они так и смотрели друг на друга в отражении, пока Николас не начал говорить.

— Не только мой брат погряз в этом, — сказал он тихо. — Мне было пятнадцать, когда всё это случилось с родителями. У брата не всегда было на меня время, и ближе к двадцати, без контроля, я пустился во все тяжкие. Тоже думал, что мне нечего терять.

Кристиан знал про Александро, но то, в чем Ник признавался сейчас, было гораздо более личным. Кристиан сглотнул, не решаясь прервать.

— Это всегда начинается весело и беззаботно, — продолжил Николас, и голос его стал глуше, словно он говорил сам с собой. — Оно даёт чувство, что ты имеешь огромную власть, что ты всесилен и весь мир у твоих ног. Но обратная всегда сторона имеется, и она никому не нравится. И если ты не хочешь с этой стороной сталкиваться, приходится вновь и вновь поглощать эту дрянь. С каждым разом границы реальности размываются.

Кристиан понимающе кивнул, но Николас, не выдержав его взгляда, снова наклонил его голову в другую сторону и включил машинку. Та зажужжала возле самого уха, и Кристиан сидел, чувствуя, как вибрация проходит сквозь голову. Когда они закончили, Николас снова посмотрел на Кристиана в отражении.

— Я справился, потому что меня спас мой брат. Если конечно, так можно сказать. Мы тогда сильно поругались с ним. Он говорил мне, что этой дряни не должно быть в моём организме, а я сердился на него, потому что знал, что он тоже

погряз в этом. Почему он запрещает мне то, что не запрещал себе? Это была сильная ссора, мы никогда так не ругались с ним, и в какой-то момент всё перешло в драку. А потом он уехал, оставив меня в доме одного. На следующий день в клубе нашли его труп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.